Цена номера 5 копеек.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

РЕДАКЦИЯ — Москва, Тверской бул., 25, Дом Герцена. Тел 5-86-8. Прием в секретариате редакции ежедневно от 2 до 4 ч.
ИЗДАТЕЛЬСТВО — Акц. Изд. О-во „Огонек", Москва, 6. Страстной бульвар, № 11. Телефон 5-51-69.
МОСКОВСКАЯ КОНТОРА — Тверская, 37, (уг. М. Гнездниковского) Телефон 1-28-19 и 1-28-20.

ПОДПИСНАЯ ПЛАТА:
с мая до конца года — 1 руб. 50 коп., на 6 мес. — 1 руб. 20 коп. на 3 мес. — 60 коп.

№ 20. Понедельник, 2 сентября 1929 г.

Орган Федерации Об'единений Советских Писателей.

Выходит по понедельникам

ПРОТИВ БУРЖУАЗНЫХ ТРИБУНОВ ПОД МАСКОЙ СОВЕТСКОГО ПИСАТЕЛЯ. ПРОТИВ ПЕРЕКЛИЧКИ С БЕЛОЙ ЭМИГРАЦИЕЙ

СОВЕТСКИЕ ПИСАТЕЛИ ДОЛЖНЫ ОПРЕДЕЛИТЬ СВОЕ ОТНОШЕНИЕ К АНТИОБЩЕСТВЕННОМУ ПОСТУПКУ Б. ПИЛЬНЯКА

ПИСАТЕЛЬ И ПОЛИТИКА

Конечно, писатель не должен быть политиком! Конечно, он стоит в стороне от житейской суеты, политических треволнений, работает на вечность! Ему нет дела до флага, развевающегося над его городом.

Так рассуждают некоторые «простачки». Но, рассуждая так, они нередко ввязываются в политику и становятся непосредственными проводниками политических идей. Противопоставление литературы политике для них является попыткой дымовой завесой, за которой скрываются очень ярко и вполне определенные политические тенденции.

Так случилось и с Б. Пильняком, писателем, бывшим в свое время литературным попутчиком революции. Не так давно, в № 1 «Литературной Газеты», он выступил со статьей, где доказывалась формула: художественный талант писателя обратно пропорционален его политической грамотности. Эту же точку зрения он развивал и ранее, в своих устных выступлениях. Он хотел, или, точнее, делал вид, что хотел, убедить советскую общественность в неизбежно-присущем каждому подлинному писателю политической безграмотности. Искусство-де ничего не выражает в политическом плане, писатель-де только медиум своего творческого [illegible] земной прозы.

Кто мог поверить Б. Пильняку? Кто же не знает, что величайшие художники слова стояли на уровне передовых идей своей эпохи, сознательно связывали свое творчество с задачами той или иной общественной группы, а нередко и прямо ставили свою творческую работу на службу интересам этой группы? Кто же не знает, что проповедь «искусства для искусства» обычно возникала там, где у художника возникал резкий разлад с окружающей его общественной действительностью?

Публицистические выступления Пильняка об искусстве и политике были только дымовой завесой. На протяжении последних лет мы наблюдаем, как из попутчика революции Пильняк превращается в писателя буржуазии. Наступление пролетариата и приступ к выкорчевыванию корней капитализма вызывает бешеную активизацию классово-враждебных пролетариату сил. Что означает вся серия произведений Б. Пильняка в последние годы, его «Повесть непогашенной луны», его «Корни японского солнца», его очерк «ЧЧО» и «Нижегородский откос», его, наконец, «Красное дерево», как не решительный отход писателя от социалистической революции, как не решительный разрыв его с ней?

«Красное дерево» — даже вне всякой зависимости от факта издания повести в издательстве «Петрополис» не оставляет никаких сомнений в завершении такого отхода. Если под советским писателем понимать не всякого писателя, прописанного в советской милиции, а писателя, органически связанного с советским строем, с социалистическим строительством, то Б. Пильняка нельзя назвать писателем советским.

Как все это «просто»: заявить о непричастности писателя к политике; написать повесть, целиком направленную против советской действительности, против социалистического строительства; получить отказ в редакции советского журнала; дать такое произведение для издания за границей; доставить радость белогвардейской эмиграции; замолчать то, что произошло; в заключение — прислать ответ, носящий характер формальной отписки, — как все это «просто», и в то же время политически определенно!

«Писатель не должен быть политиком!» Не потому ли и руководство Всероссийского союза писателей делает вид, что отстраняется от «политики», предпочитая заниматься мелкими хозяйственными делами, как об этом писал в своем письме, опубликованном в «Литературной Газете», Е. Зозуля? Пильняк не только писатель, но и председатель писательской организации. Именно при нынешнем положении во Всероссийском союзе писателей могло случиться, что об'ективно-вредительские акты в литературе совершены председателем Московского отдела союза.

События, которые произошли, ставят не академически, а конкретно вопрос об отношении советского писателя к политике. Советский писатель есть понятие не географическое, а социальное. Советским писателем называет себя тот, кто связывает себя и свое творчество с социалистическим строительством в нынешнем, реконструктивном периоде, — периоде наступления пролетариата на капитализм, периоде бешеного сопротивления классовых врагов социализма.

Именно так стоит вопрос перед каждым советским писателем. Мы убеждены, что вся советская писательская общественность решительно осудит попытки классовых врагов создать свою агентуру в среде советского писательства. Мы убеждены, что советские писатели, входящие во Всероссийский союз писателей, решительно осудят существующее в союзе положение. Мы убеждены, что подавляющее большинство советских писателей, в том числе и об'единяемых Всероссийским союзом писателей, резко осудит антиобщественный поступок Пильняка, выступившего в своем «Красном дереве» в роли трибуна буржуазии, перекликающегося с белыми эмигрантами.

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ

В № 19 «Литературной газеты», в передовице Б. Волина написано обо мне: «Б. Пильняк написал роман «Красное дерево». Не нашлось никаких [illegible], чтобы это произведение было включено в общий ряд нашей советской литературы. Роман был отвергнут редакциями советских журналов. И что же? «Красное дерево» Пильняка оказывается напечатанным в издательстве «Петрополис», в издательстве берлинских белогвардейцев. Как мог этот роман Пильняка туда попасть? Неужели не понимал он, что таким образом он входит в контакт с организацией, злобно-враждебной стране советов? Почему Пильняк, председатель Всероссийского союза писателей, не протестовал, если этот роман был напечатан эмигрантами без его ведома и помимо его желания?».

Отвечаю.

1) Повесть «Красное дерево» была закончена 15 янв. 1929, — 14 февр. я сел за роман (ныне заканчиваемый), в котором «Красное дерево» перерабатывается в главы, [illegible] рукопись «Красного дерева» с пометкой одного из редакторов «Красной Нови»: «За напечатание. В. З. 23/II—29». (Об'ективности ради надо сказать, что «Красной Новью» в повести сделаны были вычерки, — но сути дела это не меняет).

Повесть «Красное дерево», никогда не бывшая в Главлите, не появилась в РСФСР не потому, что она была запрещена, но потому, что я решил ее переделать; я приступил к ее переработке 14 февраля, [illegible] 23-му.

2) Тем не менее «Красное дерево» появилось, отдельною книгой в «Петрополисе», поступив на рынок в середине марта.

Мною, в ряду с другими советскими писателями, заключен типовой договор с членом коллегии защитников Ленинградского суда И. Я. Рабиновичем о том, что он представительствует мои авторские права за пределами СССР. Договор имел целью избежать невыгодных для советских писателей последствий из-за отсутствия литературных конвенций, — тем, что произведения советских писателей, хотя бы [illegible], издаются за границей. Аналогично было организовано Горьким, когда в Берлине был Ладыжников, представительствовавший «Знание». По этому договору я обязан был пересылать рукописи в Ленинград сейчас же после их написания, дабы Рабинович их пересылал (через ленинградское отделение ВОКС'а) за границу, [illegible] в СССР.

Рукопись «Красного дерева» переслана была Рабиновичем через ленинградское отделение ВОКС'а. Рукопись эта [illegible] Рабиновичу в двадцатых числах января, — вопрос о том, что я не буду печатать «Красного дерева», решив его переработать, решен был в двадцатых числах февраля: я не успел предупредить Рабиновича, ибо в марте книга была уже в продаже. О том, что «Красное дерево» появилось в «Петрополисе», я узнал только тогда, когда получил книгу, при чем: в проспекте «Петрополиса», этого издательства берлинских белогвардейцев, как оповещает Волин, я прочитал, что там изданы книги многих товарищей по советской литературе, а именно — Вас. Андреева, Веры Инбер, В. Каверина, Н. Никитина, Пант. Романова, А. Толстого, Конст. Федина, Ю. Тынянова, [illegible] и др., — и не нашел ни одного имени беллетристов-эмигрантов. Позднее «Красного дерева» [illegible] в этом же издательстве появился «Тихий Дон» Шолохова. [illegible] «в контакт с организацией, злобно-враждебной стране Советов».

3) Волин обращается ко мне с вопросом: «Почему Пильняк не протестовал, если этот роман был напечатан эмигрантами?» — Почему Волин не обращается с этим же вопросом ко всем тем авторам, выше перечисленным, которые так же издавались в этом издательстве?

Тем не менее: против использования «Красного дерева» белой прессой — я протестовал. [illegible] «Петрополис». Я нашел своевременным протестовать, когда в белой прессе появились отзывы о «Красном дереве». [illegible] за границей опубликовано следующее письмо:

«Уважаемый г-н Редактор,

прошу не отказать опубликовать это мое письмо.

В книгоиздательстве «Петрополис» в Берлине, на русском языке, появилась моя повесть «Красное дерево». [illegible]

[illegible] низм и бездельники, которые иногда поднимают голову из-за подворотен клопиных щелей.

Советский Союз достаточно силен, чтобы видеть и не пугаться этих клопиных щелей, [illegible] и, во-первых, [illegible], — читая каждую вещь о Социалистическом Союзе, первым делом надо помнить, что в Союзе, как нигде в мире, сейчас заново делается история. Позвольте мне утвердить этим письмом, что история в СССР сейчас идет, движется, — это видно каждому, у кого на глазах нет [illegible]. СССР сейчас строится. Подавляющее большинство людей в СССР живет бытом и реальной стройкой, [illegible]: бескровной войны за социализм, где боями за социализм суть — Турксиб, Днепрострой, Магнитогорск, Сталинград, сотни больших и десятки тысяч второстепенных строительств. Я убежден и вижу, что [illegible] история, идущий СССР сейчас так же актуальны и так же делаются, как в 1918—19-х годах.

Эту последнюю поправку прошу принимать к каждой, мною написанной, вещи.

Примите, г-н Редактор, уверение в моем почтении и в глубоком моем убеждении, что единственный путь СССР — социализм, и единственная наша дорога — победа».

В заключение позволю сказать следующее. Статья Волина вызвала уже ряд статей в «Комсомольской Правде». Я чувствую себя в атмосфере травли. В таковых обстоятельствах оправдываться трудно и работать еще трудней, — но, тем не менее: будучи одним из зачинателей революционной литературы, издав первую в РСФСР книгу рассказов о советской революции, я хочу и буду работать только для советской литературы, ибо это есть долг каждого честного писателя и человека.

Бор. Пильняк.

Ямское Поле, 28 авг. 1929.

Когда письмо сдано было уже в набор, в «Комс. Правде» появилась статья Б. Ольхового «Пильняк и современность», посвященная «Красному дереву». Письмом в заграничную прессу, приведенным выше, я ответил по поводу моих политических взглядов. Выше же сказано, что «Красное дерево» меня не удовлетворило, в силу чего оно переделано мною в главы романа, появление которого в печати покажет неправильность выводов Б. Ольхового.

Бор. Пильняк.

31 авг. 1929.

Р. S. Прошу «Комсомольскую Правду» и др. газеты письмо это перепечатать.

Б. П.

ОТ РЕДАКЦИИ

По поводу письма Б. А. Пильняка, редакция «Литературной Газеты» считает необходимым обратить внимание советской писательской и рабочей общественности на следующее:

1. Статья тов. Б. Волина, в номере 19 «Литературной Газеты» — «Недопустимые явления» — была помещена по прямому решению [illegible] тов. Волину.

2. Материалы, имеющиеся в распоряжении редакции и ряд бесспорных фактов в связи со статьей тов. Волина, [illegible]

3. Из напечатанного ниже заявления редактора журнала «Красная Новь» тов. Ф. Раскольникова видно, что именно политические места повести Пильняка заставили редакцию отвергнуть эту повесть. [illegible]

4. В марте «Красное дерево» появилось в печати за границей, [illegible] Б. Пильняк удосужился послать свое письмо за границу, [illegible] сообщает советской общественности историю появления своей повести в издательстве «Петрополис». Эти факты свидетельствуют о беспринципном, недостойном звания советского писателя поведении Б. Пильняка.

5. Б. Пильняк спрашивает, почему статья «Недопустимые явления» обрушилась на него, а не на всех тех советских писателей, кто печатался и печатается в «Петрополисе». Надо прямо сказать, что в данном случае между Б. Пильняком и остальными им поименованными писателями — громадная разница. «Красное дерево» **не** появилось в советской печати и не появилось **именно** потому, что эта повесть антисоветская. Однако Б. Пильняк счел возможным продавать свою продукцию за границей раньше, чем она появилась и использована в Советском Союзе. Что в Советском Союзе сказали бы про инженера, врача, биолога или химика, который, сделав важное открытие в своей области или разработав новое изобретение, продал бы его **сначала** за границу? Ведь прав был бы тот, кто такого изобретателя назвал бы предателем интересов Советского Союза, вредителем. Писательская продукция, как и всякая иная творческая продукция, — принадлежит Советскому Союзу прежде всего. Что же следует сказать, когда творчество автора, проданное за границу, направлено своим острием **против** Советского Союза? Ведь это же вредительство квалифицированное! Мы надеемся, что другие писатели, упомянутые Б. Пильняком, сообщат через «Литературную Газету» советской общественности, как и в каком виде их произведения попали за границу, и как они к этому недопустимому (мягко выражаясь) явлению относятся.

6. Возникают не лишенные значения и другие вопросы. А что, если бы в белогвардейской прессе не появились отзывы о «Красном дереве», — написал бы Б. Пильняк свое письмо, адресованное им за границу? А что если бы в «Литературной Газете» не появилась статья тов. Волина — рассказал бы тогда Б. Пильняк советской общественности (и в первую очередь литературной) о похождениях «Красного дерева»? И наконец, разве — помимо того, что бело-эмигрантская пресса использовала повесть Б. Пильняка — повесть эта не дала оружия белым в их борьбе против Советского Союза?

7. Только в 1929 году (всего 7—8 месяцев назад) Пильняк в повести [illegible] (Милюковские «Последние Новости», захлебываясь от удовольствия, говорят о повести, что она — даже «стихотворение в прозе») «Красное дерево» [illegible] Вот несколько цитат, наиболее характеризующих современное творчество Б. Пильняка.

Советскую власть Б. Пильняк характеризует так: [illegible]

Социалистическое строительство Б. Пильняк характеризует так: [illegible]

О советской политике в деревне Б. Пильняк белогвардейцам рассказывает следующее: [illegible] осенью у них поэтому ничего не родилось. Они об'ясняли властям недород недостатком навоза от тощих коров и паршивых овец Государство снимало с них продналог и семссуду, и они считались друзьями революции... «Врагов» по деревням всемерно жали, чтобы превратить их в «друзей», а тем самым лишить их возможности платить продналог, избы их превращая в состояние, подбитое ветром».

О настроениях в городах Б. Пильняк сообщает следующее: «В 1928 году со многих церквей колокола поснимали для треста Рудметаллторга. Балками, бревнами и пеньковыми канатами в вышине на колокольнях колокола вытаскивались со звонниц, повисали над землей, тогда их бросали вниз и пока ползли колокола на канатах, они пели дремучим плачем, и этот плач стоял над дремучестями города. Падал колокол с ревом и ухом и уходил в землю при падении аршина на два. В дни действия этой повести город стонал именно этими колоколами древности».

Крайне трудно поэтому поверить Б. Пильняку, который в своем письме за границу клянется «новой историей» СССР и «боями за социализм». **Он ничем,** до сих пор, этих своих деклараций не подтвердил, наоборот, «Повесть непогашенной луны», «Красное дерево» — говорят о противоположном.

8. Не даром же в самом деле «Последние Новости» Милюкова в статье, посвященной «Красному дереву», констатируя, что Пильняк в «Красном дереве» обращен к прошлому», что «все повествование ведется в умышленно грустном стиле сожалений о прошлом и могло бы быть напечатанным в «Старых годах», — ехидно торжествуют: «Посудите сами — соответствуют ли эти вздохи суровому цементно-индустриально-электрификационному облику эпохи строительства?» Классовый враг, сидящий в «Последних Новостях», чует в Пильняке своего агента, противопоставляющего «Красное дерево» прошлого буржуазно-помещечьего строя — «цементно-индустриально-электрификационному» строю — пролетарскому.

9. Напрасно Б. Пильняк большой политической важности вопрос, возникший в связи с «Красным деревом», пытается представить как травлю. Никто Б. Пильняка не травит. К Пильняку советская общественность относилась крайне внимательно, несмотря на имевший место несколько лет тому назад прецедент Разве случай с «Красным деревом» является у нас единичным? Советская общественность недавно столкнулась с фактом меньшим по своему значению, когда некоего ученого уличили в сотрудничестве с белогвардейцами (случай с «Seminarium kondakovianum» в Чехо-Словакии). А между тем, ведь лучшие представители нашей советской науки и руководители Всесоюзной академии наук в ряде заявлений отмежевались от его поступка.

Советская общественность имеет право требовать от советских писателей, чтобы они служили делу Советского Союза, не компрометировали советскую литературу, а тем более не вредили бы ей. Советская страна призывает к порядку писателя Б. Пильняка, когда он своим творчеством клевещет на ее дело, и на ее строителей.

10. Что касается революционных заслуг Б. Пильняка («Первая в РСФСР книга рассказов о Советской революции»), то редакция «Литературной Газеты» считает необходимым указать ему, что его первоначальная писательская деятельность действительно давала основание считать его попутчиком революции, хотя и ненадежным, но что в дальнейшем его творчестве элементы попутничества все более отпадали, пока через «Красное дерево» он не очутился в лагере буржуазных писателей.

***

Мы надеемся, что как сегодня, так и впредь литературная и вся советская общественность заставит Б. Пильняка задуматься над тем, что такое советский писатель, каким должно быть его творчество, и каково должно быть его поведение в советской стране и за ее обширными пределами.

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ

Уважаемый товарищ редактор!

В виду того, что т. Б. Пильняк ссылается на пометку одного из редакторов «Красной Нови» на рукописи «Красное дерево», считаю себя обязанным дать фактическую справку.

Дело обстояло таким образом. Однажды вечером т. Пильняк у себя на квартире прочел мне и моим товарищам по редакции «Красной Нови» свою новую повесть «Красное дерево». В тот день никакого ответа по существу рукописи т. Пильняку дано не было. Я взял рукопись с собою, снова внимательно прочел ее и произвел очень большие купюры, сильно изменяющие содержание и общую установку всей вещи. Мои важнейшие купюры шли по линии политической. Я считал абсолютно недопустимым печатание содержавшихся в повести кулацких рассуждений о классовой борьбе в деревне, вложенных в уста одного из действующих лиц, сравнения коммунизма с авиационными неудачами братьев Райт, изображения в привлекательном свете «охломонов», считающих себя «настоящими коммунистами до 1921 года» и обрисованных автором в теплых тонах явного сочувствия и т. д., и т. д.

Когда я показал т. Пильняку его рукопись с моей пометкой «за печатание» и с произведенными в ней огромными купюрами, то он заявил, что вообще не станет печатать «Красное дерево», а, приняв во внимание все мои указания и купюры, использует эту повесть в переработанном виде, как материал для своего нового романа.

Я вполне согласился с этим решением т. Пильняка и по его просьбе вернул ему рукопись.

Велико было мое удивление, когда я вдруг неожиданно узнал о появлении «Красного дерева» за границей, в издательстве «Петрополис».

Моя редакционная пометка, что я лично был за печатание рукописи в «Красной Нови», не может служить реабилитацией т. Пильняку. Для всякого честного советского писателя нет двух мнений по поводу того, что двурушничество недопустимо. Советский писатель не может печататься в эмигрантских изданиях. И советская общественность весьма своевременно, в связи с данным случаем, поставила общий, принципиальный вопрос и подняла кампанию за оздоровление литературных нравов.

С коммунистическим приветом

Ф. Раскольников.

КО ВСЕМ ЧЛЕНАМ ВСЕРОССИЙСКОГО СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ

За последнее время мы имеем ряд выступлений органов печати, непосредственно касающихся положения во Всероссийском союзе писателей, и ребром ставящих перед всей писательской общественностью основные вопросы взаимоотношений различных отрядов советской литературы.

Получилось так, что классовый враг создал для себя агентуру в рядах советской литературы. Получилось так, что некоторые попутчики восстановительного периода в реконструктивный период социалистического строительства, вольно или невольно, осознанно или неосознанно, перестали или перестают быть друзьями, спутниками, попутчиками пролетариата, — об'ективно смыкаются с враждебными ему силами. Получилось так, что опорой буржуазных влияний на советскую литературу стало ядро нынешнего руководства ВСП.

Е. Зозуля совершил тактическую ошибку, выйдя из Всероссийского союза писателей. По нашему мнению он должен был там остаться, апеллируя к советской общественности и организуя решительную борьбу внутри Союза за его оздоровление. Но это не умаляет значения его письма, рассказывавшего советской общественности о том, что происходит в недрах ВСП. Могут ли советские писатели, входящие в ВСП, терпеть далее такое положение, примириться с тем, что нынешнее руководство этой крупной литературной организацией держит их в состоянии перманентного конфликта с советской общественностью, изолирует их от всего процесса социалистического строительства? По нашему убеждению — не могут.

В «Литературной Газете» опубликованы факты, говорящие о сотрудничестве В. Пильняка, председателя Московского Отдела Союза и Е. Замятина — члена Союза, с белогвардейскими зарубежными кругами. Повесть Б. Пильняка «Красное дерево» — самое яркое доказательство активности новобуржуазной литературы. «Красное дерево» достаточно завершает путь Б. Пильняка к издательству «Петрополис» от «Повести непогашенной луны», через «Нижегородский откос» и «ЧЧО». Председатель Московского Отдела Союза, руководитель литературной политики Союза, передал свое произведение, насквозь антисоветское, за границу: он сделал подарок врагам Советской республики. Этого не оспаривает никто. Могут ли советские писатели из ВСП терпеть долее такого руководителя? По нашему убеждению — не могут.

Но ведь вопрос о председателе Московского Отдела Союза ведет к вопросу о том руководстве, которое его поддерживает. Разве не факт, что основные силы попутчиков за редким исключением, не участвуют активно в работе союза? Разве не факт, что в делегации ВСП в органах Федерации ведущая роль принадлежит не попутчикам, а буржуазным писателям и их комми-вояжерам, не имеющим прямого отношения к литературе, типичным бюрократам, своей профессией сделавшим защиту линии поведения пильняков? Кто из писателей - попутчиков, членов ВСП, активно привлечен к работе Федерации? За исключением единиц — никто. Могут-ли советские писатели из ВСП мириться с такой атмосферой в их Союзе, которая наиболее благоприятна для появления произведений вроде «Красного дерева»? По нашему убеждению — не могут.

Пролетарские писатели за последнее время установили со значительными группами попутчиков крайне товарищеские связи. Но сделано это **вопреки** и **помимо** правого руководства ВСП. Мы спорим по многим вопросам, мы критикуем ошибки и указываем на шатания многих попутчиков. Но мы это делаем по отношению к тем, кто по сути, на деле являются друзьями советской страны. Мы не раз решительно вставали на защиту многих писателей от несправедливых нападок на них. Но мы так поступали по отношению к попутчикам, хотя бы и колеблющимся, а не по отношению к писателям буржуазным.

Мы призываем советских писателей, членов ВСП, решительно ликвидировать загнивание Союза, на котором играет Пильняк, ударить по процессу бюрократизации Союза, сказать свои слова перед лицом советской общественности, о поступке председателя Союза, переизбрать руководство, поставить во главе его действительных друзей советской страны, очистить авгиевы конюшни Союза (чистка и перерегистрация)

Мы обращаемся к ленинградским отделениям ВСП и ФОСП, ко всем писательским организациям и одиночкам — с предложением определить свое отношение к поступкам Е. Замятина и Б. Пильняка и к положению в ВСП.

То, что произошло, — закономерно. Это есть результат обострения классовой борьбы в стране в реконструктивный период и усиления процесса классовой дифференциации в рядах советской литературы. Такая дифференциация происходит в других литературных перегруппировках, об'единяющих попутчиков. Она неминуемо углубится в ближайшее время. Советские писатели, друзья социалистического строительства, должны отдать себе в этом отчет.

Мы надеемся, что Федерация об'единений советских писателей сделает все выводы из цепи событий последнего времени, общественно самоопределится, развернет последовательную самокритику, превратится в подлинную организацию советской писательской общественности, чего до сих пор в должной мере нет.

Жизнь формулирует перед попутчиками вопрос резко и прямо: либо за Пильняка и его покрывателей, либо против них. Третьего не дано.

Секретариат РАПП

ОТ ЛЦК

Издание советским писателем антисоветской вещи в эмигрантском издательстве считаем преступлением против интересов рабочего класса и совершаемой им революции.

Попытки Б. Пильняка оправдаться перед советской общественностью считаем несостоятельными.

Одновременно указываем на необходимость упорядочить общее положение с изданием произведений советских писателей за границей.

По поручению Лит Центра Конструктивистов **Борис Агапов.**

НАШЕ ОТНОШЕНИЕ

Повесть о «Красном дереве» Бориса Пильняк (так, что ли?), впрочем, и другие повести и его и многих других не читал.

К сделанному литературному произведению отношусь как к оружию. Если даже это оружие надклассовое (такого нет, но, может быть, за такое считает его Пильняк), то все же сдача этого оружия в белую прессу усиливает арсенал врагов.

В сегодняшние дни густеющих туч это равно фронтовой измене.

Надо бросить беспредметное литературничанье.

Надо покончить с безответственностью писателей.

Вину Пильняка разделяют многие. Кто? Об этом — особо.

Например, кто отдал треть Федерации союзу пильняков?

Кто защищал пильняков от рефовской тенденциозности?

Кто создавал в писателе уверенность в праве гениев на классовую экстерриториальность?

От РЕФ'а **В. Маяковский.**

ПЕРЕД ФАШИСТСКИМ ПЕРЕВОРОТОМ В АВСТРИИ

Энергичное наступление австрийских фашистов

ТАСС сообщают из Вены: «20 августа состоялось заседание центрального комитета республиканского союза обороны. Обсуждались актуальные политические вопросы. Докладчик Юлиус Дейч указывал на растущее влияние путчистских элементов в стране. Указывая, что за последнее время в союз обороны вступило несколько тысяч новых членов, Дейч пытался ослабить значение опасности фашистского переворота и заявил, что распространяющиеся в последнее время тревожные слухи являются «сильно преувеличенными». Дейч подчеркнул, что австрийская социал-демократическая партия пытается не давать фашистам никаких предлогов для столкновений, удерживая своих членов от необдуманных выступлений.

В Вене опубликовано официальное сообщение, что представители ландбунда вручили союзному канцлеру Штрерувицу свои требования, сформулированные в письменной форме. Эти требования мало отличаются от сообщавшейся же ранее фашистской программы ландбунда. Так, повидимому, в качестве уступки прочим буржуазным партиям, ландбунд отказывается от своего требования замены политического парламента хозяйственным сословным парламентом. Вместо этого ландбунд теперь требует замены нынешнего союзного совета (верхняя палата) сословным советом. В случае, если правительство признает невозможным изменение конституции, ландбунд потребует всенародного голосования по этому вопросу, при чем предоставляет правительству двухнедельный срок для ответа.

Канцлер Штрерувиц заявил, что большинство этих требований поддерживается и правительством, а остальные требования будут обсуждены. Вслед затем Штрерувиц сообщил о требованиях ландбунда прочим правительственным партиям.

В политических кругах обратило на себя особое внимание то обстоятельство, что после беседы со Штрерувицем, вожди ландбунда уведомили о позиции ландбунда также начальника венской полиции Шебера. Вслед за тем ландбунд опубликовал официальное сообщение, которое, между прочим, гласит: «Констатировано полное единодушие относительно того, что легальные средства вполне достаточны для обеспечения спокойствия и порядка, а также органического развития конституции».

В «Арбейтер Цейтунг» от 31 августа, выдвигается требование конкретизации программы ландбунда. Газета предполагает, что ландбунд ставит себе целью сознательное провоцирование правительственного кризиса. Газета обещает всеми силами бороться против изменения конституции в антипарламентском духе.

С'ЕЗД АНГЛИЙСКИХ ПРОФСОЮЗОВ

В Бельфасте. На фоне безработицы и крайней нищеты

ТАСС сообщают: «2 сентября в Бельфасте открывается очередной 65-й ежегодный с'езд английских профсоюзов. В Бельфаст прибыло уже несколько сот деятелей конгресса трэд-юнионов.

Бельфаст — главный город и порт северной Ирландии, крупный центр судостроительной и текстильной промышленности. Рабочие массы живут в Бельфасте в ужасающих условиях. Бельфаст производит полотно и различные другие текстильные изделия, а также знаменитые на весь мир по своему высокому качеству пышные океанские пароходы. Однако рабочие, которые сооружают эти пароходы, живут в крайней нищете.

Следует отметить, что уже в течение нескольких месяцев на бельфастских верфях бастует 2.000 плотников. Бастующие требуют небольшого повышения заработной платы. Вследствие этой забастовки без работы находятся несколько сот рабочих других специальностей. Прибытие в Бельфаст лидеров конгресса трэд-юнионов породило слухи о разного рода посреднических попытках с целью ликвидации конфликта. Эти попытки сторонников «промышленного мира» могут иметь своей целью исключительно возобновление работы любой ценой, а потому могут привести к тому, что решительная борьба бельфастских рабочих закончится совершенно безрезультатно.

АРЕСТЫ СРЕДИ ГОМИНДАНОВЦЕВ В ПЕЙПИНЕ

В Пейпине произвел большое впечатление арест влиятельного члена здешней гоминдановской организации Го Чен-тина, произведенный властями. Го Чен-тин является популярным гоминдановским оратором и часто выступает на митингах. Недавно он выступал также на одном антисоветском митинге.

Вместе с Го Чен-тином арестованы еще 8 гоминдановцев. Ссылаясь на авторитетные китайские источники, «Норт Чайна Стандард» сообщает что эти аресты стоят в связи с раскрытым в нанкинской военной академии заговором против Чан Кай-ши. Далее газета сообщает, что полиция разыскивает еще 13 лиц, замешанных в заговоре.

ПОХОД ПРОТИВ КОММУНИСТОВ В МЕКСИКЕ

Как сообщает ТАСС из Мексики, полиция произвела налет на типографию, в которой печаталась коммунистическая литература, и конфисковала большое число экземпляров коммунистического органа «Эль Мачете». Одновременно конфискованы орган левой федерации профсоюзов «Дефенса Пролетариа», орган рабоче-крестьянского блока «Бандерс Роха» и комсомольский орган «Спартак». Арестовано 4 коммуниста, в том числе редактор «Эль Мачете» Гомес Лоренсо и два члена редакции комсомольского органа.

ПРАЗДНИК МОЛОДЫХ БОЛЬШЕВИКОВ

XV МЮД в Парке Культуры и Отдыха

Выступление тов. Рыкова

Давно парк Культуры и Отдыха не видел такого количества молодежи, как вчера на празднике МЮД'а. 50.000 юных пролетариев демонстрировали вчера свою международную солидарность со всем рабочим классом мира. Это был подлинный смотр боевой подготовки комсомола к грядущим боям с мировым капитализмом.

Площадь «Смычка», как и всегда, явилась местом центрального митинга, который открыл секретарь МК ВЛКСМ тов. Васильев. Появление в президиуме тов. Рыкова вызвало бурю аплодисментов и бесконечное — ура!

— Сегодня, во всем мире празднуется день революционной молодежи, — говорит тов. **Рыков.** — В текущем году, больше чем когда-либо, ощутима военная опасность и возможность новой международной бойни. В буржуазных странах мы наблюдаем особенно сильное обострение классовой борьбы. Эти два крупных международных явления — обострение классовой борьбы и назревшая опасность новой войны — характеризуют всю переживаемую нами эпоху.

В Западной Европе пролетариат поднимается для борьбы за власть. В нашем Союзе он борется за окончательную победу социалистического общества, за окончательное освобождение от всех остатков капиталистического наследства, за международную победу пролетариата. Революционная молодежь будет активным участником и организатором этой борьбы.

15 лет революционной борьбы, которую вела молодежь на всем земном шаре — это достаточный стаж и для взрослого революционера. Мое пожелание в 15 МЮД, — чтобы то революционное зерно, которое зародилось в международный юношеский день, развивалось и крепло день ото-дня.

15 лет тому назад революционная молодежь выкинула знамя борьбы против империалистической войны. Теперь над миром нависла новая угроза международной войны. Трудно сказать, будет ли она сегодня или завтра, но новая гигантская война неизбежна. Международная буржуазия готовит ее со стороны Китая. Может быть этот конфликт с КВЖД разрешится благополучно, но не может «благополучно» разрешиться международный конфликт между рабочим классом и капитализмом.

Рабочую молодежь приветствовали от Реввоенсовета СССР тов. **Уншлихт,** от ЦК комсомола — тов. **Рахманов** и от подшефного линейного корабля «Марат» — краснофлотец тов. **Левашов.**

С приветственным словом от немецких комсомольцев выступил тов. **Емпа,** который передал ЦК комсомола, красное знамя «Юнг-фронта» 5 отделения Берлинской организации комсомола.

После митинга, вечером в парке Культуры и Отдыха состоялось большое гулянье рабочей молодежи, посвященное 15 МЮД'у.

РАЗНЫЕ ИЗВЕСТИЯ

◆ В Пейпине несколько сот рикшей и кули осадили помещение полицейского участка одного из пейпинских районов и силой освободили трех кули, недавно арестованных полицией. Один полицейский серьезно ранен.

◆ Выборы присяжных для процесса гастонских текстильщиков продолжаются. До сих пор избрано всего 6 присяжных из несколько сот кадидатов. Прокуратура и защита отводят многих кандидатов.

◆ В Боснии арестован бывший мусульманский депутат Хассан Милкевич за попытку организовать собрание оппозиционно-настроенных буржуазных деятелей.

◆ Вчера открылся первый комсомольский кино-театр в Москве «Юнг-Штурм», находящийся в ведении УМЗП. Кино-театр обслуживается исключительно комсомольцами.

◆ 5 сентября в зале заседаний коллегии Наркомпроса состоится совещание литотдела Главискусства, совместно с представителями литорганизаций, на котором будет обсужден производственный план литературного раздела Совета по делам художественной литературы и искусства на 1929—1930 год.

НЕДОПУСТИМАЯ ПЕРЕКЛИЧКА

Лицо писателя — его произведения.

В них с исчерпывающей отчетливостью вырисовывается мировоззрение и общественные симпатии автора. «Красное дерево» жестокий выявитель сегодняшней физиономии Б. Пильняка.

Автор «Красного дерева» превозносит и оплакивает культурные ценности прошлого, и отрицает ценность настоящего. Повесть проникнута тоской по былому, по дворянским усадьбам, по старой Руси. Для оправдания тяги к ушедшей эпохе Пильняк дает злостно искаженную картину банкротства революции. Противопоставляя осмысленность прошлого — бессмысленности современного, повесть клевещет на наше строительство и достижения. Самые темные, самые враждебные социалистическому строительству элементы найдут в «Красном дереве» отражение своих реакционных чаяний.

Не случайно эта повесть издана эмигрантским издательством, встречена одобрением белой прессы, используется ею как отличный материал для наветов на Советский Союз.

Этот факт свидетельствует о возросшей активности классового врага.

Советские писатели и в первую очередь Всероссийский Союз Писателей, должны единодушно и решительно выступить против беспримерной переклички с белой эмиграцией, сказавшейся в самом содержании повести Б. Пильняка и в напечатании ее за границей. Всероссийский Союз Писателей обязан выполнить свой долг без всяких колебаний и оттяжек.

Член ВСП **Галина Серебрякова.**

ПИСАТЕЛИ НА ФРОНТЕ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО СОРЕВНОВАНИЯ

Очерк девятый

„ДИНАМО“

II *).

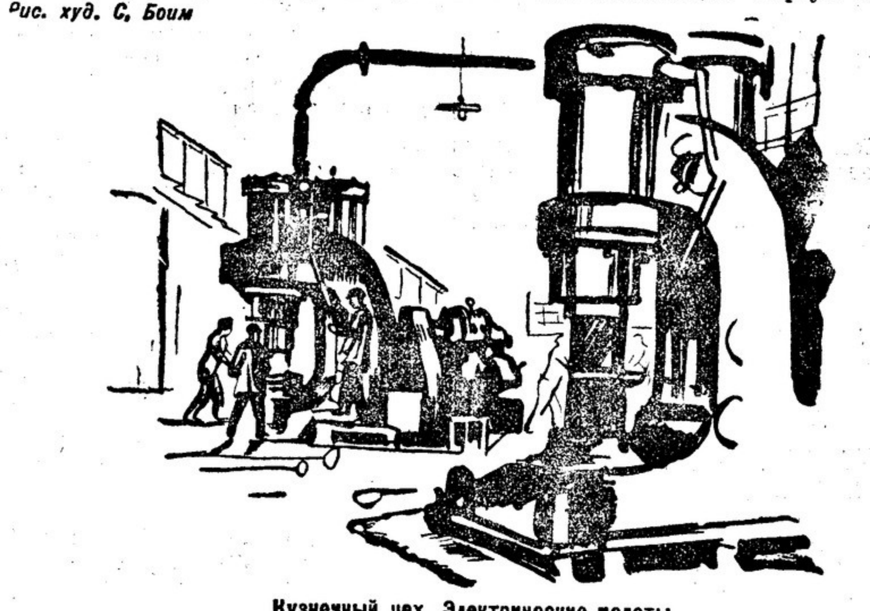
«Динамо» вступил в соревнование с несколькими предприятиями сразу: с ленинградским заводом «Электрик», с уральским «Вольта», со «Сварзом» и московскими трамвайными парками. Договоры подписаны. Заключать их приезжали ребята с «Электрика» и «Динамо», динамовцы ответно послали делегации в Ленинград и на Урал, на завод «Вольта». И те и другие, связанные отныне неразрывно, ходили по цехам, зорко и ревниво приглядывались к жизни завода-«соперника», находили «узкие места», крыли друг друга за то, за что нужно крыть, но вместе с тем честно хвалили за производственные достижения.

На «Вольта» динамовцам понравился станок для заливки вкладышей баббита, станок уменьшает брак и дает большую экономию.

— Не мешало бы нам приобрести такой станок. Поразили ребят успехи

Рис. худ. С. Боим

Кузнечный цех. Электрические молоты

вольтовцев. Так и пишут:—«поразительнее всего то, что несмотря на все недостатки, производственная программа за первое полугодие выполнена на 111 проц. и себестоимость снижена».

Как раз именно в этом отстало «Динамо», не даром на «Электрике» динамовцев крепко крыли за это:

— Почему вы не выполнили программу за полугодие?

Заработная плата у вас растет, а производительность труда на мертвой точке...

— Ваш технический персонал уснул, да и вы, ребята, вместе с ним спите...

Посланцы с «Динамо» оправдывались, об'ясняли, почему это так. Но вместе с тем и честно признавались:

— Да, у нас не налажено планирование... Да, у нас есть отдельные рабочие и инженеры рвачи и нарушители производственной дисциплины.

Вернулись делегации на свои места. Усиленнее забился гремящий пульс «Динамо». Начались будни соревнования.

❋

Завод в ходу, в работе — громадный, чрезвычайно сложный организм, со своей кровеносной системой, почти живое, почти одухотворенное существо. И для того, чтобы этот организм работал с математической точностью, чтобы все отдельные процессы производственной жизни совпадали, дополняли, обогащали один другой, чтобы не было разнобоя, заминок и неполадок — требуется максимальная энергия, внимание к своему делу, любовь к своей работе.— Зоркий пристальный глаз, пот на лбу, стиснутые зубы, напруженные мускулы... Никакого разгильдяйства, наплевательского отношения, вялости, шкурничества!..

Я задал вопрос могикану «Динамо», обрусевшему немцу, старому мастеру Якутовскому,—повысилась ли интенсивность труда по сравнению с дореволюционным временем?

— О, никакого сравнения! По крайней мере процентов на шестьдесят!

Но советскому рабочему мало этого. Он требователен. Он жаден. Не только догнать довоенный уровень, но и перегнать его. Чрезвычайно характерные стихи, отражающие настроение нашего рабочего, нашел я в стенгазете «Мотор». Пишет динамовец другу-крестьянину:

Мне тяжело порой до боли.
Не раз ты упрекал меня,
Что зря я голубое поле
На город дымный променял.
Но ты не знаешь, Николаев,
Как увеличить тяги ход,
Стальную стружку в дюйм заправив,
Пустить станок на самоход...

И дальше:

Я все смогу, я все сумею
Моя чувствительность груба —
Я кровью жгучею своею
Бензиновый наполню бак.
Я не хочу, чтоб гнул ты спину,
Окашивая косогор.
Я сердце собственное выну
И укреплю его в мотор...

«Энтузиазм»—слово достаточно нынче использованное, примелькавшееся и порядочно затрепанное. Но трудно подобрать иное подходящее слово для того, чтобы охарактеризовать настроение «Динамо» в первые недели соревнования. Вызывали друг друга цехи, мастерские, отделы. Вызывали рабочие и работницы, мастера, инженеры, служащие, — персонально, лично, имярек—имярека. Наиболее передовые, горячие—шли в ударные бригады. На производственных совещаниях густо сыпались предложения рабочих насчет улучшения станков, рационализации отдельных процессов производства.

Работой производственных совещаний вообще «Динамо» может похвастать. Недавно закончившийся смотр совещаний дал динамовцам первую премию. Тов. Горский, работник штаба соревнования, написавший корреспонденцию об этом в «Правду», получил в виде премии—часы, самопишущую ручку и подписку на полгода на все издания «Правды». С 1 октября прошлого года по 1 июня рабочими внесено на производственных совещаниях 1.140 предложений. До настоящего времени из них:

Выполнено — 696,
Отклонено — 135,
Не выполнено — 309.

Эти цифры согреты любовью к работе, к своему станку, искрятся рабочей сметкой, пытливой мыслью. Но эти же цифры—почти треть не проведенных в жизнь предложений—указывают и на то, что и заводоуправление, и цеховая администрация не очень-то торопятся осуществлять на практике многие дельные советы рабочих. Об этом говорят такие, например, факты. 18 июля, цеховая стенгазета 9-й мастерской передала администрации 17 заметок—предложений рабочих. Ответов ждали неделю. Ответов к этому сроку не последовало. Напомнили. Заведующий аппаратным отделом Иванов ответил коротко:

— Дадим в течение одного дня.

Этот день в действительности растянулся до 5-го августа.

Только 5-го августа, спустя восемнадцать дней, Иванов, наконец, отвечает:

— Пишите, что я не хочу ответить. Вернее, не могу ответить.

А между тем предложения рабочих относительно доставки материалов к станкам, уборки станков, заточки сверл, могли бы значительно улучшить отдельные моменты производства.

Еще хуже,—и что совсем недопустимо,—когда исконное наше национальное наплевательство, халатность и обломовщина срывают само соревнование в целом. А есть и это. Со «Сварзом» динамовцы договорились:

— Будем давать высокосортную продукцию.

Теперь «Сварз» жалуется:

— От вас, товарищи, все еще продолжают поступать якоря с ослабленным коллектором. Уже накопилось таких 47 якорей.

Виной тут молотковая посадка коллектора на короб у якоря. Инженер Динер предлагает устранить этот дефект.

— Взять со «Сварза» разболтанные коллектора, переточить их для новых моторов, а «Сварзу» дать новые коллектора, приточив их по старым коробкам. Это избавит от лишних расходов на ремонт.

До сих пор предложение не осуществлено. Официальный документ уныло вздыхает:

— Беда в том, что Динер давно это предлагает, но в жизнь не проводится.

❋

Схлынула горячка, рассосалась первая зарядка, и кривая соревнования клонится вниз. В июне «Динамо» выполнил только 55,4 проц. программного задания. Причины? Помимо независящих от «Динамо», все же, в основном,—«организационные неувязки» и недостаточная пропускная способность механических цехов.

— Отпуска,—вздыхают динамовцы,—летние настроения!..

Но летние настроения не мешают другим заводам работать и выполнять программу. Это признают и сами динамовцы.

В этом отношении интересна сравнительная сводка за третий квартал «Динамо» и соревнующегося с ним «Электрика».

Динамовцы обязались:

Производственную программу выполнить на 100 проц.

Снизить себестоимость на 7,5 проц.

Процент брака снизить до 10 проц.

Неуважительные прогулы довести до 0,25 проц.

Снизить накладные расходы до 8 проц.

Что же мы видим?

В то время как «Электрик» выполнил 105 проц. своей производственной программы,—«Динамо»—лишь 66 проц.

Если в отношении уменьшения себестоимости динамовцы добились крупного результата, снизили больше намеченного—11,4 проц. вместо 7,5 проц., то накладные расходы еще не снизились—всего на 0,4 проц. вместо намеченных по договору 8 проц.

Выполнило «Динамо» задание по уничтожению брака даже больше намеченного—17,7 проц. (здесь противоречие с «Мотором», который жалуется на высокий процент брака. Кому верить?). Но, вместе с тем, хромает производительность труда. Неуважительные прогулы равны 0,5 проц., в то время как должны составить 0,25 проц.

Итак, «узкие места» «Динамо»—слабая производительность труда, прогулы и накладные расходы.

В заводоуправлении хладнокровные люди с перьями, отщелкивая костяшки счетов, подводят итоги прогулов, выводят средний процент их. Вычисляют бесстрастно, «добру и злу внимая равнодушно». А общая сумма прогулов—[illegible], чрезвычайно велика. В этом отношении рекорд побивают 17-я аппаратная, 19-я механическая, склады, кузницы, медно-литейная, токарная...

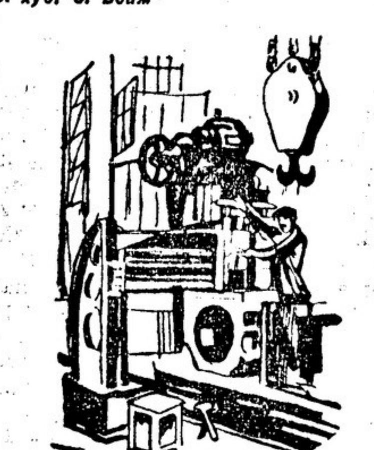
В иных случаях сами динамовцы в этом не виноваты. Вот, например, токарная взывает к рабочим Торецкого завода, поставляющим литье для стальных шестерен трамвайного мотора:

— Дайте хорошее литье!

Зубофрезерная мастерская бьется над каждой шестерней последней партии Торецкого завода. Раковины!

— «Раковины имеют самый злостный вид»...

Рис. худ. С. Боим

Токарный цех. Строгальный станок.

Но все же главная вина, конечно, в самих динамовцах, от токаря до директора. Только они могут «пустить станок на самоход». Могут это сделать и—должны сделать.

❋

Отстает также «Динамо» и от выполнения договора, заключенного с МГЖД. Обязались:

— Выполнить все заказы московского трамвая.

На 1-е августа не выполнено:

— 12 моторов ДМ—1А.
— 5 пантографов Д5—3.
— 100 кожухов для автоматов.
— 41 деталь междувагонных соединений.

Заводская пресса отмечает:

— Социалистическое соревнование не создало перелома в жизни завода.

Почему же нет этого перелома? Начали было люди работать, взялись за работу с пылом, с жаром, поговорили, пошумели, вынесли несколько звучных и обязывающих резолюций — и на этом успокоились. Отзвонили «очередную кампанию»—и с колокольни долой!

Причина простая. Верхушечность. Руководство сверху и руководство, видимо, недостаточное, неумелое.

С самого начала соревнование держится на небольшой группе активистов, энтузиастов строительства. На их плечи легла вся нелегкая работа. Заводская же масса осталась в стороне. Если ее и пытались раскачать, растолкать, вдохнуть порыв социалистической стройки, то делалось это недостаточно энергично и планомерно. Отсталые слои рабочих, принесшие из деревни [illegible] косность и скопидомство, неприязнь к грохочущему, пульсирующему цеху [illegible] соревнования. Никакой работы с ними не велось. Взаимоотношения с ними ограничивались лишь об'явлениями и выговорами за прогулы. Работа фактически взвалена на уполномоченных по соревнованию, [illegible] в то время как многие производственные комиссии и совещания в цехах остались в стороне. Сам штаб соревнования недостаточно [illegible].

— Мертворожденное детище,—раздаются голоса.

— Надо распустить его, а все дело передать ЦПК и цеховым производственным комиссиям!

Вызывать друг друга—вызывают рабочие, но вызовы эти практически не закреплены. Как выполняются эти вызовы—никто не проверяет.

Наконец, сильно вредят успешному развитию соревнования и общая бесплановость, хаотичность в этой области, [illegible] отсутствие единого рационализаторского органа.

Вот причина.

Но за последние недели соревнование снова захватило динамовцев. Видимо, какой-то перелом, поворот к лучшему, стал намечаться. Заговорила рабочая общественность. Появились черные доски. [illegible]

Вот [illegible] по неуважительным причинам за апрель, май, июнь.

Совершенно без прогулов на первом месте стоит сборочная, токарно-ремонтная, трансформаторная, изоляционная, 21-я аппаратная, 22-я хим. лаборатория. На черную доску (1,5 проц.) попали 18-я аппаратная, 19-я механическая. Злостных прогульщиков спасает группа восьми лучших цехов. Там совсем нет прогулов по неуважительным причинам.

Простои. Впереди всех, совсем без простоев,—медно-литейная, модельная, токарно-ремонтная, слесарно-ремонтная, плотницкая. На черной доске — сборочная, где 2,1 проц. В отношении цеховых накладных расходов попали на черную доску чугунно-литейная, кузница и изолировочная.

Сама рабочая общественность живее, внимательнее стала относиться к соревнованию. Требуют устранения тех, либо иных инженеров, мастеров, которые тормозят успешный ход соревнования.

Сменили, например, руководителей литейной, сейчас, в результате целого ряда улучшений отдельных процессов производства, стоимость тонны литья снизилась против 1927 — 28 г. на 25 проц. Достижение? Конечно, но, тем не менее, литье на «Динамо» еще дорого. Вдвое-втрое дороже довоенного. На Мальцовском заводе цены литья гораздо ниже.

Раздаются голоса против заведующего аппаратным заводом инж. Иванова.

— Гиблое место — аппаратный завод,— говорят рабочие.

— Хаос, бесплановость, неразбериха. Сборочные цехи стоном стонут от 19-й мастерской.

Заводская общественность считает, что коренная, основная причина в руководителе аппаратного завода, в его неумелом подходе к рабочей массе и пренебрежении к общественным организациям.

Самое ценное и важное — то, что перелом на «Динамо» наметился. Будущее покажет, насколько он отчетлив и крут.

Дан. Фибих.

САМОЕ ВАЖНОЕ

(Ответ рабочим Трехгорной мануфактуры)

В «Литературной Газете», от 5 августа с. г., появилась статья «На проверку», посвященная моим очеркам о социалистическом соревновании на Трехгорной м-ре. Считаю нужным кое-что раз'яснить по этому поводу.

Прежде всего, «на проверку» брать очерки еще рано, так как в «Литературной Газете» появились только 3 главы из книги «Цеха в пути», которая выходит в издательстве «Московский Рабочий».

[illegible]

ку, — он не трудился узнать целое или часть представляет разбираемый материал. Вслед за неискушенным мнением он повторяет, что писатель просто «выдирает» приглянувшееся ему, делает «на-глаз», не наблюдает и не раздумывает. Писать ли, говорить ли о написанном, — дело в обоих случаях серьезное. Странно требовать, чтобы однолетнее дерево приносило яблоки, так же странно поддерживать заблуждение людей, неискушенных в распознавании методов газеты и литературы, что в трех маленьких очерках можно сказать об остальных рабочих, активистах, комсомольских бригадах и т. п.

Как раз этими вопросами я особенно интересовалась. Комсомольские бригады, ячейковая работа, рабочие «хозяева», отсталые рабочие, — все это есть в моей книге.

Теперь о читательских замечаниях.

Первое: «ошибочно пользоваться содействием мастеров». Да, это будет ошибочно, если считать всех мастеров прижимщиками и очковтирателями. Думаю, никто из писателей не работал одиночкой, а связывался с местными организациями. В ячейке и фабкоме мне сразу указали на определенных т.т., например, тов. Петрова из отбельной и тов. Кузнецова из красильной. Ходить по цехам, не освоившись со всеми порядками и правилами, не заприметив людей, — очень трудно и нерационально.

Воспользоваться содействием мастеров — это вовсе не значит, что глаза и уши останутся в чужом кармане. Вообще, если мастер «выбран» организованно, писателю нечего бояться. Тов. Петрову, мастеру отбельного цеха и тов. Кузнецову, мастеру красильного цеха, я чрезвычайно благодарна за их внимательное и живое отношение к моей работе. Второе: о машинисте К. Я рассказываю о нем, как о своеобразном примере человеческой требовательности к самому себе. Машинист К., даже не принимая пока активного участия в соревновании (у него есть на это веские причины — он кончает ЦИТ), все же является фигурой положительной. «Тянуться за другими, скрепя сердце», т.-е. механически участвовать в соревновании, он не считает возможным, очевидно, его принцип другой: участвовать в этом великом деле всем своим **внутренним хотением.** Не сомневаюсь, что по устранении этой причины — ЦИТ'а — так именно и будет.

Относительно коллективной читки перед рабочей аудиторией. С этим я согласна вполне: правильно, нужно читать. Я это тоже хотела сделать, но книжка затянулась из-за от'езда, времени не осталось, и переговоры по этому поводу с ячейкой и редакцией «Погонялки» не имели результата. По выходе книги эта коллективная читка будет обязательно устроена на Трехгорке, где я добрых три месяца собирала соревновательские факты и настроения.

Анна Караваева.

От редакции. Рабочие Трехгорной м-ры прочитали в «Литературной Газете» очерк тов. Караваевой «Соревнователи» о социалистическом соревновании на их фабрике и сделали свои замечания. Никак нельзя назвать эти замечания «заблуждением людей, неискушенных в распознавании методов газеты и литературы», как указывает в письме писательница. Тов. Караваева много дельного и интересного не заметила и не осветила в очерке об отбельном цехе фабрики Трехгорной мануфактуры. Писательница не побывала на производственном совещании и т. д., — этого она не отрицает. Намерение Анны Караваевой, по выходе ее книги, вынести ее на обсуждение самих же рабочих Трехгорки, позволит дать действительно точную и окончательную оценку работы писательницы.

Профессии

Современнику чужды и даже враждебны названья
«Правитель», «Фонарщик», «Профессор латыни», «Купец»,
Безработными стали учителя фехтования,
И в музеях рапиры веселая ржавчина ест.
Аромат старины сохраняется только в рассказах
Для людей, не умеющих свежестью бури дышать,
Отживают профессии вымерших звуков и красок —
Деловые созвучья дрожат у прохожих в ушах.
Счетовод — это слово прямого, военного смысла,—
В синих молньях очков за конторкой и лампою скрыт.
Командарм, на равнины страниц выводящий бессонные числа,
Выводящий балансы для грозных, хозяйственных битв.
— Краевед — это версты и версты кричащих безлюдий,
Неразгаданный сумрак озер, перелесков и гор,
Это рвущийся к свету и бьющийся каменной грудью
И стучащийся в окна как смутная флейта — простор!
Или четкое имя—почетное имя радиста,
Рулевого звучаний, встающих во мгле на-дыбы...
У него под рукой прорывается алая искра
Неожиданно-грозной и гибельной часто судьбы.
И десятки других проносящих на знамени разум,
Оживляющих дерево, уголь и косную медь
Отживают профессии мертвого века — не сразу,
Обреченным на гибель — им надо помочь умереть!

Мих. Рудерман.

УПРЯМЫЕ ФАКТЫ

На что тратится наша бумага

«Я получил экземпляр книги псалмов. Ваши печатники действительно работают превосходно. Мы разделяем радость вместе с нашими собратьями в России об этих новых псалмах и библии. Как хорошо, что наши собратья имеют эти книги в этой великой стране», — вот, что пишет зарубежный «братец» Опайсер, одному из видных деятелей евангельских христиан в СССР.

Оказывается, не только наши крупнейшие центры и захолустная провинция снабжаются печатным «словом божьим». Оказывается, что та самая бумага, о которой днями и ночами мечтают наши издательства, та самая бумага, которую проклинают наши писатели, — ибо из-за ее отсутствия они лишены возможности печататься, — даже идет за границу, на радость зарубежных «братьев». И полиграфическую промышленность,—продукция налицо,—откровенно расхваливают зарубежные «братья во-Христе».

Это не анекдот. Это не легенда. Это самые настоящие упрямые факты. В течение прошлого года в СССР, — в стране строящегося социализма, в стране, где религиозным бредням противопоставлено учение Маркса и Ленина, выходило 14 религиозных журналов с ежемесячным тиражом 28.000.

Это не все. Духовная и сектантская печать дала за этот же год свыше 20 названий книг с тиражом в 155.000 экземпляров — 1.800.000 листо-оттисков. Надо сказать, что до сих пор мы не видели точных цифр, характеризующих журнальную и книжную продукцию «благочестивой» сектантской и церковной печати. До сих пор работа нашего классового врага, главным образом, освещалась на страницах специально-антирелигиозной печати, откуда мы и берем эти цифры и факты.

Десятки книг и журналов, издаваемых сектантскими церковными организациями, печатались на советской бумаге и в советских типографиях. На провинциальные типографии падает значительная доля «божественной литературы». Но и такие центры как Москва и Ленинград (не в обиду Главлита будет сказано) дали тоже значительное количество «духовной сивухи».

Ежемесячный журнал евангельских христиан «Христианин» в 1928 году печатался в типографии «Ленинградской Правды». За год вышло 12 номеров. Все номера выходили точно — в срок — ежемесячным тиражом в 5.000 экземпляров, размером в 5 печатных листов, и общий годовой листаж выразился в количестве 300.000 листо-оттисков.

Маститые издатели «толстых» божественных журналов: Проханов — вождь евангельских христиан в СССР, Кудинов — редактор «Вестника духовных христиан-молокан», Одинцов — редактор журнала «Баптист», Лебсак — тоже редактор журнала «Голос истины» и т. д. стараются во-всю. Кроме периодической литературы, ими выпускаются книги — «Симфония» с 15.000 тиражем, «Настольный календарь» с 30.000 тиражом, «Духовные песни для юношей» с 10.000 тиражом и т. д.

Наши полуживые и полумертвые церковники всех толков и воззрений, во что бы то ни стало, стараются не отстать от своих энергичных конкурентов — сектантских организаций.

Пятнадцати-тысячным тиражом вышел «Православный календарь московского патриарха на 1928 год». И наконец, почти в хвосте плетутся нацменьшинские религиозники. В ряде восточных республик выходят также церковные журналы: в Махач-Кале (Дагестан) — «Бигун-Хакаки» — ежемесячный журнал с тиражом в 2.000 экземпляров, в Симферополе (Крым) — «Асры-мусульман» — ежемесячный журнал с тиражом в 2.000 экземпляров и т. д.

Сектантская и церковная печать — это сильнейший агитатор мракобесия и махровой контрреволюции, прикрытой сладенькими словесами евангельскими и страшными обещаниями прихода антихриста. Не говоря уже о том, что целые рулоны бумаги, в которой сейчас чувствуется острый недостаток, уходят в никому ненужные издания, надо сказать также о вредности сектантских и церковных книг, безусловно оставляющих след на части некультурных слоев городского и деревенского населения.

«Для того, чтобы наверное быть счастливым, надо только одно: люби, люби всех — и добрых и злых, не переставая, и ты будешь счастлив, — вот что пишет кудиновский «Вестник духовных христиан-молокан».

«Сатана — отец лжи, он самым беззастенчивым образом лжет людям, внушая им вещи вполне неправдоподобные: и люди верят ему. Он, например, говорит, что мир сотворился сам собой», — вещает журнал евангельских христиан «Христианин».

И дальше...

«Один только бог может вытравить из человека красные тряпки»...

«Вы знаете, что багряные и красные пятна очень трудно выводить», — наконец сознается евангельский автор.

Сектантская печать особенно охотно пользуется нашими методами пропаганды и агитации. Особенное внимание сектантские вожди уделяют молодежи и женщинам. Для них выпускаются специальные издания. Выпущены, например: сборник песен с нотами «Свирель Давида» для детей школьного возраста, — «Песни Анны» для женщин.

Несомненно, что вся церковная и сектантская печать, несмотря на визы Главлита, гублитов и т. д., носит весьма контрреволюционный характер, скрытый под маской религиозного дурмана.

И как ни странно, но эти книги до сих пор еще печатаются в советских типографиях. Наши типографские хозяйственники, подчас не могут устоять перед обещаниями, действительно очень аккуратных заказчиков сектантов и церковников, дать «деньги на бочку».

Надо категорически протестовать против того, что наши советские типографии становятся рассадниками религиозной пропаганды.

Против этого мы должны повести упорную и решительную борьбу. Кстати надо сказать о том, что за последнее время, мы были свидетелями частых отказов наших полиграфических рабочих от печатания сектантской и церковной литературы.

Мы должны бороться за нашу, советскую книгу. Мы должны бороться против «духовной сивухи», против книги церковника и сектанта.

Юрий Арди

В СВОЮ ЗАЩИТУ

По поводу „массового возмущения“

В № 13 «Литературной Газеты», в статье «Голос рабочего читателя», Л. Тоом, упоминая о моем ответном письме на отзывы рабочего читателя, пишет:

«Некоторые из них (писатели — читай и Юлий Берзин) несколько кривят душой... Вряд ли уж очень пришлось радоваться Берзину требовательности рабочего читателя, ибо в общей массе рабочий читатель дал **уничтожающую** оценку его роману».

Дальше, указывая, что «у обиженного коммунистической критикой в моде сейчас апелляция к читателю, — читатель ,мол, разберется и защитит», Л. Тоом вещает:

«Не надейтесь в этом отношении на рабочего читателя! Он будет критиковать еще строже».

У меня нет причин ни обижаться на коммунистическую критику, ни «кривить душой» перед рабочим читателем. Книга моя «Форд» вышла двумя изданиями, выдержала более десятка диспутов именно в рабочей аудитории и встретила самое широкое сочувствие именно среди рабочего читателя. В библиотеках (я говорю о ленинградских) имеются сотни отзывов о «Форде», и вопреки утверждению ретивых составителей рецензируемого Л. Тоом сборника, основная рабочая читательская масса отнюдь не разглядела в книге «определенную симпатию автора к спекулянту, взяточнику и аферисту Форду». Симпатию эту разглядели составители сборника и их постовой рецензент Л. Тоом.

Все это дает мне основание, ни мало не покривив душой, повторить процитированную Л. Тоом фразу из моего ответного письма к читателям: «рабочий читатель оказался гораздо более вдумчивым, многосторонним и требовательным, чем многие патентованные «литераторы».

К этому должен добавить: и более добросовестным. Ибо за последнее время стало бытовым явлением, что некоторые люди (известные и неизвестные), вращающиеся вокруг литературы, видящие в ней легкий труд и не имеющие ни одной собственной мыслишки за душой, — выступают от имени рабочего читателя, как его опекуны, как выразители его литературных вкусов, требований и суждений, чуть ли не как идеологи его. Я имею в виду и составителей упоминаемого сборника и рецензента его. В вводной части к отзывам, касающимся моей книги, составители пишут, что в массе рабочий читатель дал ей «уничтожающую» оценку. Однако стоит только взять на себя труд подзаняться простым арифметическим подсчетом отзывов, чтобы убедиться, что личное мнение свое составители беззастенчиво выдают за мнение рабочих. Даже в их сборнике положительных оценок «Форда» больше, чем «уничтожающих». В целях окончательного «уничтожения» автора, составители часто делят один приятный им отзыв на несколько и помещают их в разные отделы. В результате двух нехитрых подтасовок и передержек получается требуемое впечатление «массового возмущения», — и составители (а с ними и Л. Тоом) довольны: они в «выигрыше».

Такой «критический» подход я считаю недопустимым по отношению к какой бы то ни было книге и к какому бы то ни было автору.

Юлий Берзин.

Против необоснованной рецензии

В журнале «Молодая гвардия» № 5 помещена рецензия А. Селивановского на мою книжку стихов «Черный хлеб». Автор рецензии причисляет меня к «идеализаторам наиболее отсталых реакционных сторон зажиточного крестьянства», т.-е., по-просту говоря, надо понимать, кулачества. А раз это так, то тем самым А. Селивановский ставит меня в ряды противников советской власти.

Вот что говорит в своей рецензии обо мне А. Селивановский: «...творчество Дружинина представляется нам в достаточной мере определенным. Дружинин примыкает к плеяде наших поэтических «расеян», **идеализаторов наиболее реакционных отсталых «кондовых» сторон жизни зажиточного крестьянства»** (курсив везде мой. **П. Д.**). «...Дружинин **развертывает целую поэтическую программу зажиточного мужика»... и т. д.**

К сожалению, из-за затяжной болезни я не мог своевременно ответить на этот необоснованный выпад рецензента. Я считаю, что вся рецензия от начала до конца является огульной клеветой. В моей книжке ничего такого, что бы указывало на мою принадлежность к так называемым «идеализаторам кулачества», нет. Если встречаются в некоторых моих стихах, как, напр., «Ярмарка», в поэме «Бабья доля», элементы кулаческого и «кондового», то все это художественно преломлено, как отрицательное явление, а совсем не возводится в идеал. В своей рецензии А. Селивановский не привел, между прочим, ни одного примера из моих стихов, говорящих за то, что я идеализатор кулачества; потому, что таких примеров в моей книжке нет. Пусть А. Селивановский найдет эти примеры, не выдергивая отдельные строчки из общей концепции произведений. Мое поэтическое мироощущение вполне четко и определенно, моя классовая принадлежность так же не дает никому никакого права зачислять меня в тот или иной лагерь врагов рабоче-крестьянской власти. И я положительно недоумеваю, откуда и по какому поводу взялось у автора рецензии это желание во что бы то ни стало очернить и ошельмовать.

Подобный «метод критики», извращающий сущность авторского миросозерцания и мышления, есть метод, по существу, самый вредный и совершенно недопустимый в нашей писательской среде и в нашей советской общественности.

Павел Дружинин.

Господин Бод и советская литература

Помещая статью тов. Селивановского, редакция предлагает товарищам высказаться по затронутому в ней вопросу

Представьте: по небрежности телефонной станции ваш телефон соединен с неизвестным вам абонентом. Неизвестно откуда,—может быть, с близкого, а может быть, с далекого расстояния,—ваш незнакомый знакомец начинает развивать крайне интересную систему взглядов. Почувствовал ли он в вас скрытого друга, или же вы являетесь для него лишь безразличным адресатом, лишь механической точкой, к которой устремлена его речь,—это неважно. Важно то, что собеседник умно и осторожно начинает развивать **ваши** мысли, прояснять **ваши** настроения, говорить **вашим** языком. Он делает понятным то, что было для вас непонятным в вас самих, чему вы втайне ужасались, в чем не смели признаться даже наедине с собой. И вы слушаете его, своего двойника, с парализованной волей, подчиняясь логике его речи и тщетно пытаясь ее разбить. Ваши блестящие диалектические способности, богатые запасы контр-аргументов, которыми вы обычно на-голову разбиваете противника, спокойное мастерство уверенного в себе спорщика,—все это внезапно атрофируется и исчезает. Вы покинуты самим собой. И когда собеседник подходит к какому-то последнему, обобщающему выводу, к какому-то итогу, к формуле, где он окончательно об'единит себя с вами,—вы не выдерживаете, прерываете его, начинаете ругаться. Разговор обрывается на самом интересном месте, собеседник кладет трубку на телефонный рычажок, вы слышите в телефонной системе только радио-свист... Заключительная формула не произнесена. Впрочем, есть ли в ней необходимость? Разве она не угадывается нами, не вытекает логически из всего, сказанного собеседником перед этим? Или даже: разве она **уже** не произнесена?

Именно такой разговор имел теоретический лидер группы конструктивистов Корнелий Зелинский с неким господином Бодом («Бод», журнал «Октябрь», № 6 за 1929 год). «Бод остался неразгаданным исключительно по вине телефонной станции»,—заканчивает свою статью К. Зелинский. Нет, уж **тут** телефонная станция не при чем! Не надо было так невежливо обрывать разговор. Нужно было сохранить выдержку. Пусть К. Зелинский пеняет на себя! Но и то, что успел высказать Бод, достойно внимания и широких слоев советских читателей, и всего советского писательства, и — прежде всего—группы конструктивистов.

Дадим сначала отрицательные определения в характеристике Бода. Это не пролетарий, не коммунист и даже не «коммуноид». С другой стороны, это не злобствующий, открытый, непримиримый классовый враг пролетариата, не внутренний эмигрант, не «расеянин», идеализатор патриархально-кондовых сторон русской жизни. Бод—наш современник, включенный в сегодняшний день нашей эпохи, волнуемый горячкой строительства, вероятно, спец-инженер, отнюдь не шахтинец, враг рутины, косности, бескультурья, друг социализма. Так, по крайней мере, кажется на первый взгляд. Но у Бода нет счастья, не личного, а **социального:** у него нет, как он говорит, «хорошего творческого самочувствия», «цветного самочувствия удачи и полнокровия». Многое в советской действительности ему не нравится. Он хочет «немножечко» подправить стиль эпохи. Этот хитрый и осторожный человек ничего не говорит прямо, предпочитает обходные движения, ловко скрывает свое лицо за сетью софизмов. Он может усыпить классовое чутье своего собеседника и после ряда мелких вопросиков, после уверений в своей любви к социалистическому строительству, внезапно **вывернуть свое подлинное—«бодовское»**. И тогда за мирной беседой о необходимости бросать окурки в урны мы неожиданно услышим проповедь **бунта** против эпохи, разглядим усложненный, возведенный в высшую социально-культурную степень, переведенный в другой социальный план, вывернутый на изнанку, кавалеровский «заговор чувств». Итак: чем же недоволен Бод?

Бод возмущен азиатчиной и полуазиатчиной нашего быта. Ему внушают отвращение окурки на улицах, неподметенная пыль, висящая углом на одном гвоздике картина, неряшливость одежды, отсутствие культуры чистого тела. Он говорит об этом горячо и убедительно, и то, что он говорит, как-будто правильно. Как-будто, **те же** лозунги внимания мелочам и оздоровления культурного быта висят на стенах красноармейских казарм, пионерских уголков, новых рабочих общежитий. Как-будто, культурная революция означает—в числе прочего—победу бодовской идеи цивилизованного быта. Оказывается, нет: **не** означает. Здоровые культурные навыки в советском быту непосредственно исключают бодовскую теорию. Социализм в бытовом плане есть победа чистоты над грязью, носового платка над сопливым носом, вкусной пищи над пищей невкусной, неприправленной, непроваренной. Но не только это. Не всякий новый носовой платок служит делу культурной революции в быту. Наш культурно-бытовой идеал совсем не похож на «вкусный» и «чистый» быт немецкого или датского мещанина. Нам нужны такие условия и навыки культурного быта, которые помогали бы подготовке социализма, подготавливали бы **завтрашний** день освобождающегося человечества. Между тем Бод прямо противопоставляет наслаждение **сегодняшним** днем и борьбу за завтрашний день социализма.

«Настоящая философия возможна лишь при хорошем желудке», «социализм надо строить весело, с песней на губе»,—говорит Бод. Между тем, вокруг себя—в одежде, в интонации голоса, в выражении лица, в убранстве комнат—он **замечает «какое-то равнодушие** и безответственность». «**Скучно** это у вас получается». А скука—по Боду—возникает из социального **подвижничества,** из идеи построения нового мира, охватившей **все** существо человека без остатка. По своей форме идея социального подвижничества схожа с идеей религиозной, только на месте боженьки оказывается коллектив. **«Всякая политическая, религиозная или социальная идея—хищник и антропофаг»...** Есть «неуловимая граница, за которой жертвенность переходит в **самоедство,** а труд—в **барщину».** И Бод задумывается: «Как соединить социальное подвижничество с индивидуальным расцветом?» «Для творческого самочувствия гибельно, когда идея, то-есть какой-либо организующий рациональный принцип, ставится над человеком. Мы должны создавать ощущение обратного: **человека над идеей».**

Сама теория антропофагов, коллективов, пожирающих живых людей, не нова. Чтобы далеко не ходить за примерами, можно напомнить о недавних временах, когда ренегаты легального марксизма, идеологи русской промышленной буржуазии (Струве, Булгаков, Бердяев) выставляли точно такие обвинения по адресу марксизма. Им вторили Мережковские, представлявшие социализм в образе грядущего хама, безликой серой массы, и всяческие Ивановы-Разумники, эклектические поборники «индивидуализма» в русской литературе. Пролетариат безлик, движение социализма убивает личность, марксистское учение есть апологетика духовной аракчеевской казармы—мы уже забыли об этом. Но тут возрожденным из пепла фениксом реконструктивного периода появляется Бод и повторяет Струве и Мережковского. Сами по себе ловко отточенные мысли Бода бездарны и стары, но они являются, выражаясь его словами, «сигналами, доносчиками, контролерами», проливающими неожиданный свет на многие явления современной общественной жизни.

В то время, когда бодовские отцы заботились о расцвете своего «цветного самочувствия удачи», весь общественный строй создавал непреодолимые препятствия для формирования личности в среде пролетариата и крестьянства. Могущественные и яркие характеры рабочих революционеров выковывались в борьбе **против** освящавших эксплоататорский строй жизни бодовских принципов. Формирование личности в недрах пролетариата и крестьянства происходит усиленным темпом, именно теперь—и не за «вкусной чашкой чая», а в борьбе, в общественной жизни, в коллективе. Еще для Торквато Тассо было ясно, что **«характер образуется в борьбе».** Для активного участника освободительного движения пролетариата нет и не может быть дилеммы: **либо** коллектив, **либо** личность,—**либо** свобода и «творческое самочувствие», **либо** тягостная необходимость, «самоедство», «барщина». Такая дилемма возникает лишь для случайного попутчика революции, делающего **чужое** дело и мечтающего о «вкусном» привеске, о противоядии социалистическому антропофагу. Противоречие между коллективом и личностью, между свободой и необходимостью **снимается** осознанием свободы, как познанной необходимости.

Бод, конечно, понимает нелепость и невозможность обособления личности от коллектива. Но коллектив для него является носителем трезвого сознания, идеи рационализма. А трезвое сознание класса не оставляет места для мечты Бода о свободной, буржуазной жизни. «Мир нам кажется темным. Где-то впереди сверкает ослепляющая точка. Она связывает и определяет все наши движения». Эта связывающая наши движения точка впереди—есть социализм. И Бод приходит к решающим выводам: «В старом мире личность была опухолью... Вы хотите **на место одной опухоли посадить другую—коллектив.** Фанатики формальной логики, вы хотите одно подставить на место другого, в то время как жизнь—это сплошное противоречие, движение противоречий... Жизнь столь же нуждается в рациональном переустройстве, подсказанном трудовой логикой, как и в актах бессмысленных... Человеку в жизни нужно так же осмысленное, как и бессмысленное». Песни, пляски, **театр, музыка, влюбленность, поэзия являются**—по Боду—«системой чудачеств», умеряющей неумолимую «рациональную логику труда». И Бод становится в трогательную позу обделенного нищего: **«немного бессмыслинки, совсем немного для хорошего самочувствия, не больше»...**

Но ведь наша расейская «бессмыслинка» — боженька, тараканы запечные, курная изба, антютики. Нет, Бод противник **такой** бессмыслинки. Бод требует «культурной», **импортной,** западно-европейской бессмыслинки. Немного, совсем немного джаз-банда,—немного, совсем немного шпенглерианской философии,—немного, совсем немного рафинированной поэзии бессмыслинки. Но разве **этого** лишен Бод? В небольшой дозе он получает «бессмыслинку». Бод **прикидывается** просящим милостыню. Ему ли, чувствующему себя Ганнибалом, ведущим «стадо железных слонов» на дряхлеющий мир, стоять на паперти с протянутой рукой? За позой нищего скрывается бунтарь, требующий **всего.** «Я не хочу жизни в прихожей будущего дворца. **Моя жизнь здесь, сегодня.** Она несет с собой свои радости, свою полноту бытия»... Он требует **«права на сегодняшний день»**—«как редко вы встретите человека, который вкусно работает, ест, любит, творит, мыслит!» «Не завтра, а сегодня нужно начинать жизнь, так, как она начнется при социализме... Я предлагаю организовать БОД. **БОД—это банк общественного доверия.** Представьте себе, что общество дает мне **кредит на индивидуализм»...**

Таковы последние слова телефонного собеседника, услышанные К. Зелинским. Так расшифровывается слово «Бод»: не то «банк общественного доверия», не то «богадельня деклассированных», как пишет И. Гроссман-Рощин в своем ответе «Боду в том же номере «Октября».

Как все хитро обернулось! **Вместо** пламенной любви к социализму—повторение струвианских задов. **Вместо** пафоса индустриализации — требование всех жизненных благ сегодня. **Вместо** культурной революции—жажда «бессмыслинки».

И. Гроссман-Рощин правильно указывает, **что политическая платформа** Бода означает требование **пересмотра пятилетки.** Как характерно возникновение Бода в канун второго года пятилетки, в разгар реконструкции, в период хозяйственных затруднений! Строятся заводы «группы А». Они дадут ощутимый потребительский эффект только через несколько лет. А сейчас—товарный голод, нехватка дефицитных товаров... Обыватель брюзжит. Бод теоретически осмысливает брюзжание: я хочу жить **сегодня!** Я хочу вкусно жить! Моя бессмыслинка **равноправна** с индустриализацией! **Философия Бода есть конденсированное выражение смыкающихся с устряловщиной социальных прослоек нашей страны, имеющих возможность «вкусно» жить сегодня и сталкивающихся с барьерами монополии внешней торговли, курса на индустриализацию, борьбы пролетариата со всякими проявлениями идеализма, индивидуализма, «бессмыслинки».**

Но почему же К. Зелинский ограничился стенографической записью речи Бода? Между ним и Бодом, конечно, нельзя поставить знак равенства. Бод—классовый враг, конструктивист Зелинский — искренний представитель левопопутнических кругов советской литературы. Но в том-то и трагизм Зелинского, что решительно опровергнуть мистера Бода можно только **после решительного отказа от ряда принципов теоретической платформы конструктивизма,** как она выражена в статьях самого Зелинского. Бод начинает свою речь, стоя **на конструктивистской** площадке. И. Варлин в №№ 9 и 10 «На Литературном Посту» дал подробный общественно-политический анализ программной статьи Зелинского «Конструктивизм и социализм» (сборник «Бизнес»). Разве, например, не одинаковы взгляды Зелинского и Бода на культурные задачи, на роль воротничков и окурочных урн, на мещанство? Разве не затушевывает Зелинский классовый смысл культурной революции? Разве, далее, нет в построениях Зелинского **элементов** деляческой **системы** взглядов? Разве в конструктивистской поэзии нет элементов воплощенного в действительность бодовского, **абстрактного, «цветного», полнокровного самочувствия** как такового, как **равноправного** привеска (Бод называет его «диалектическим») к логике труда? Разве, наконец, в поэзии И. Сельвинского нет **основного** конфликта между рационалистическим **скелетом** и **плотью** бессмыслинки? В трагедии И. Сельвинского «Командарм 2», в этом поединке поэта с самим собой, со своим двойником, Евгением Неем-Оконным, заложена мысль, выраженная словами Бода: «социализм строится людьми не только меди и огня, а мышц и крови» (у Сельвинского речь идет о противоречии между волевым разумом-скелетом и мясом человеческих эмоций).

Конструктивисты — **не** бодовцы. Но они носят в себе — пусть неразвитые—зачатки бодовщины. Вот почему К. Зелинский слушал своего собеседника и ругался, но не сумел его разоблачить. С той площадки, на которой стоят конструктивисты, можно итти к пролетариату, но можно и к Боду. Конструктивисты **хотят** итти к пролетариату. Но их удерживает Бод — этот мыслимый вариант развития одной из тенденций, заключенных в конструктивизме. Смысл статьи Зелинского в том, что он об'ективно вскрыл именно такой вариант.

Однако, **только ли в конструктивизме дело?** Приглядимся к состоянию остальной советской литературы, ее значительной части. Когда мы сталкиваемся с явлениями мещанства и погружения в обывательщину некоторых писателей, — перед нами Бод, желающий **сегодня** хорошо покушать. Когда культивируется в ряде произведений сильный, байронический, отщепленный от общественности герой — перед нами Бод, протестующий против антропофага **коллективизма.** Когда Б. Пильняк проповедует несовместимость талантливости и ума художества с политикой, — перед нами все тот же Бод, возжаждавший **бессмыслинки.** В разных личинах, в разнообразных пропорциях, бодовщина встречается на каждом шагу, в садах попутнической и новобуржуазной словесности.

Не пора ли советской литературе об'явить священную войну господину Боду?

А. Селивановский.

„ЛИТЕРАТУРНУЮ ГАЗЕТУ" НАДО РЕОРГАНИЗОВАТЬ

КОНСТРУКТИВИСТЫ ПРЕДЛАГАЮТ

Резолюция Исполбюро Федерации об'единений советских писателей, 5 августа 1929 г. констатирует ряд ошибок «Литературной Газеты» и совершенно справедливо указывает, что важнейшей причиной их явились неправильная структура ее руководства. Резолюция предлагает всем литературным об'единениям, входящим в ФОСП, обсудить пути реорганизации газеты и наметить контуры нового построения ее руководства.

Литературный центр конструктивистов считает, что основные дефекты структуры газеты заключаются в следующем.

1. Совершенно отсутствовало единство руководства, ибо последнее было поручено ряду товарищей, состоящих в различных литгруппировках, зачастую несогласных друг с другом, что превращало газету в почтовый ящик, принимающий любые материалы и готовый к услугам любой точки зрения. Это смазывало политическое и общественное лицо газеты и приводило к нулю ее значение, как коллективного пропагандиста и организатора.

2. Ответственность за идеологическую линию газеты была поделена между многими людьми и таким образом фактически отсутствовала совершенно.

3. Отделы газеты (статьи, стихи, очерки, библиография и т. д.) были переданы в почти бесконтрольное распоряжение отдельным товарищам, иногда даже не являющимся членами редколлегии, что приводило к резкому разнобою мнений и общей идейной неразберихе в газете.

4. Неправильность структуры руководства вызывала дефекты и в техническом ведении газеты, создавала излишние расходы, требовала напрасной затраты времени и труда технического персонала редакции.

Все изложенные дефекты должны быть исправлены в кратчайший срок, для чего необходимо следующее.

1. Руководство газетой возложить целиком на ответственного редактора, которому и предоставить всю власть и право осуществлять точную идеологическую линию газеты.

2. Всю ответственность за ведение газеты редактор должен нести только перед Советом Федерации, каковым он (редактор) и назначается. Редколлегия, создаваемая по принципу представительства от литгруппировок, должна сохранить консультационные и ревизионные функции.

3. Редактирование отдельных групп материалов (очерки, стихи, статьи и т. д.), осуществляется штатным аппаратом редакции, что не исключает привлечения к этой работе в порядке консультации тех или иных авторитетных товарищей, не входящих в состав редакционного аппарата.

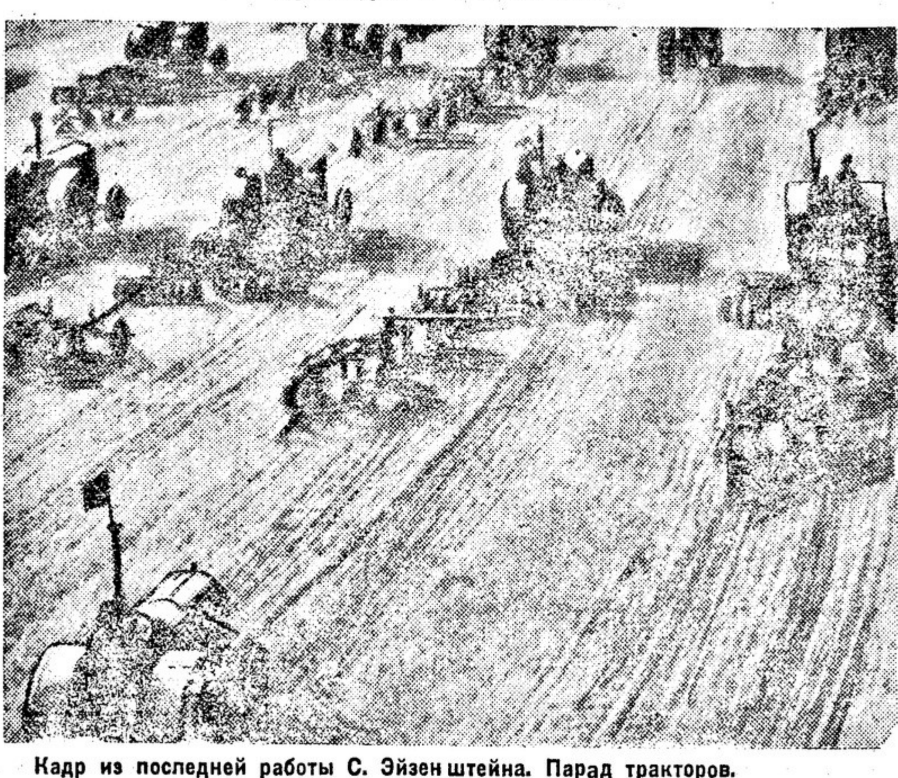
4. После проведения всех указанных мероприятий реорганизация аппарата редакции в целях улучшения техники газеты и обеспечения правильной и бесперебойной работы.

Считая, что только приведенные выше методы могут способствовать укреплению «Литературной Газеты» как органа культурной революции, ЛЦК со своей стороны готов оказать всяческую поддержку писательской общественности, занятой созданием своего печатного органа.

По поручению ЛЦК **Борис Агапов.**

От редакции. Редакция ждет от литгруппировок их мнения по затронутому выше вопросу.

„Старое и новое"

Кадр из последней работы С. Эйзенштейна. Парад тракторов.

Сватовство

Ни спать не мог я, ни пить, ни есть,
Ушел со двора пешком
В деревню, где мой нареченный тесть
Матерым слывет кулаком.

У него к подворотне привязаны псы,
К воротам не подойдешь,
Он сеет шатиловские овсы,
Отборную сеет рожь.

В деревне знают, каков он есть,
Мой нареченный тесть.
Он кум королю, он сам себе пан,
Руки в брюки и даже вот
Лопата курчавая до пупа.
Цепочка выползла на живот...

Лесом иду я. Сосен затор,
Луны хорьковый оскал.
Недавно здесь проходил селькор
И под ножом упал.

Меня орешник сучьями бьет —
Ни просеки, ни огня,
Сосняк прикорежистый и дубье
Под силки берут меня.

Когда-то кладов искали тут
В покос на Иванов день,
Когда и папортники цветут,
Русалки балуют на воде

А я не ищу никаких примет —
Анютики и воронье —
Ни леших, ни клада, ни черта нет,—
Вранье!

Буди, хозяин, жену, ребят,
Одежу вешай мою на гвоздь,
Хоть хуже татарина для тебя
Такой непутевый гость.

Какой неприимчивый этот дом!
Меня угостили тут
По переносице кулаком,
Безменом по животу.

Хозяин матужится у ворот,
Лопата курчавая дыбышом,
Хозяйская дочка идет со мной,
Папаша ей—хоть бы что.

Полуда лиственная берез
На черствых сучьях гремит как жесть...

— Пойдем, невеста, со мной в колхоз,
Там есть работа и место есть.

Земля потеет, горят овсы,
Заря приподнята во весь рост,
За нами глухо брешут псы
И ругань падает под откос.

Мих. Кринин.

БЕЗОТВЕТНЫЕ ПИСЬМА

Издательства не помогают начинающим авторам. Работа литконсультации хромает. "Мытарства" начинающих не изжиты. "Попугаево счастье"

Верите ли вы в счастье, завернутое в бумажку, вытащенное попугаем шарманщика?

«Попугаевым счастьем»—называют в некоторых отделах Государственного издательства работу с непечатающимися авторами.

Ежедневно почта приносит десятки конвертов, пакетов и доплатные письма. Манна небесная не падает в наши дни на редакционные столы, но зато течет «самотек». Как же протекает он в больших издательских берегах? — Самотеку отводится спокойное место в редакционных корзинах. Практика выработала большой запас точных формулировок — «не подходит и кончено». Жаль, что в Центральном статистическом управлении нет цифр, говорящих о том, какой процент поступающего материала помещается в издания. Сколько напрасных человеческих усилий, холостых выстрелов энергии, разочарований и даже подчас трагедий!

В Госиздате — «попугаево счастье», в других местах как-нибудь иначе. Но всюду тот же корень. Поток рукописей всегда вызывает одинаковое пренебрежительное и невнимательное отношение. Работа над ним не организована. Что-нибудь ответить и ладно. Может быть, из авторов, присылающих свои письма и работы из дальних деревень и заброшенных уголков, никто не станет писателем, но **все они через свои первые литературные попытки приобщаются к культуре.**

Наши издательства казенно и небрежно относятся к массовым этих писателей, забывая о том, что они только тогда будут настоящими «фабриками книги», когда, прежде всего, станут своеобразными «фабриками авторов». В новом порядке и безразличии рукописей можно найти ценное, подлинно дорогое сырье.

„Я моляр высокой латифундии!"

«Да! Я сознаюсь, что я молодой маляр высокой латифундии, но моя кисть имеет определенные размеры художеств, с их сюжетом. Я вижу в себе высокую виртуозность, но очень часто сны влекут меня на трон неограниченного мысслей писателя. Я еще только вступаю в сферу философического мышления, как моя внутренность уже смеется над всяким реалистическим стилем, кладет меня в основу суперпиэтета. Возможно, это моя молодая стихия?»

Что это «Записки сумасшедшего»? Как-будто нет, так как под этим набором слов подпись: маляр Ф., из села Бирючья Коса. У него разыгралась «молодая стихия», он хочет писать. Графоманом его не назовешь. Он просто неграмотен и начинает «отказывать слова». Ответ «не подходит» его не может удовлетворить. Ему надо подробно написать «что и почему».

«Я начал писать свою повесть 14 июня. Сколько я перенес над нею горя. 20-го у меня умерла родная мать. Мы остались: дети и отец. Отец очень большой пьяница, не позволяет мне читать и писать в избе. Я еду в поле за 7 верст, беру чернила и перо и продолжаю работу. Пускай хоть это грозит мне, но я никогда не брошу учиться и работать».—Так пишет в своем письме житель села Староверстовки.

Много искренних и теплых писем присылают начинающие авторы. В своих Староверстовках, они месяцами мечтают о «настоящем» не таком ответе. Ведь это, пожалуй, становится самым важным в их жизни. Такие письма часто начинаются обращением: «Дорогая редакция!». Для них же действительно, «дорогая», ведь, кроме редакции, некуда обратиться и получить помощь. «Будьте добросовестной и нежной акушеркой моего первого детища»,—пишет один автор-рабочий.

У тех, к кому он пишет, нет времени, нет понимания необходимости углубленной работы над самотеком.

«Учитесь, молодой человек»

В крестьянский отдел ГИЗ'а, особенно много поступает рукописей «со стихов».

Мы просмотрели ряд ответов авторам за подписью завотдела. Все они сводятся к нескольким почти всюду одинаковым строчкам. «Вам надо учиться грамоте. Затем, читайте художественные произведения (идет перечисление авторов), ознакомившись внимательно с этими писателями и с их произведениями, вы поймете недостатки своего произведения и после сумеете написать на эту же тему рассказ». Может быть, такой ответ лучше, чем голое «не пойдет». Ведь в крестьянском отделе нередко бывали случаи, когда груды рукописей месяцами дожидались ответа. Предположим, малограмотный крестьянин узнает о том, что ему надо учиться. Должно быть, и раньше знал о том, что «ученье — свет, а неученье — тьма».

«Большая вам благодарность за ответ и за ваше поучительное наставление, но, к сожалению, учиться нет возможности, во-первых, хозяйство наше бедное, а учиться надо иметь содержание... Прошу вас, товарищи, дайте... как выйти из этого положения»,—спрашивает Тимофей Ермолинский, из села Нащекино, Смоленской губернии.

Как выйти из этого положения? Тут штампованным ответом, сухим как делопроизводительское «дано сие в том», не помочь.

Скачки с препятствиями

Работникам ГИЗ'а, соприкасающимся с начинающими авторами, приходилось много думать над этим вопросом. Наконец, придумали. — Чтоб не разбазариться,—начинающие авторы могут радоваться. Ни один проект, а сразу несколько, докладные записки, рапорты.

Но в Госиздате спешить считается плохим тоном. «У нас все медленно, по-гизовски»,—признаются сами же гизовцы.

Вопрос о помощи начинающим авторам был выдвинут в начале 1928 года крестьянским отделом. Вопрос оставался долгое время открытым. Наконец, больше чем через год его «закрыли». Редакция постановила необходимым усилить работу с начинающими авторами. Работа была признана весьма срочной, и было решено в две недели провести ее в жизнь.

Две недели тянутся слишком долго. До сегодняшнего дня постановление редсовета осталось только постановлением для утешения совести. Но за это время прибавилось несколько постановлений, должно быть, их аккуратно подшили к делу и опять успокоились.

На первом заседании художественной секции рабочего редакционного совета, куда входят рабочие крупнейших московских фабрик и заводов, больше всего говорили о помощи начинающим авторам (5 июля 1929 г.). Даже в протоколе черным по белому значится: «считать необходимым обратить внимание на улучшение работы с начинающими авторами. К следующему заседанию представить всем членам редсовета конкретные предложения по работе с начинающими авторами». В протоколе записано... Но на следующем собрании, 9 августа, о начинающих авторах даже не говорили.

Скачка с препятствиями продолжается слишком долго.

Или может быть финиш будет дан в каком-нибудь новом юбилее Госиздата?

Никто не протестует против организованной помощи начинающим авторам. Рабочие фабрики имени Бабаева в резолюции после отчета ГИЗ'а, особо отметили отсутствие работы с начинающими, как отрицательную сторону Государственного издательства.

В недрах самого Госиздата имеется проект об организации единого консультационного бюро для начинающих, о положении их работ в печать. Но сама идея о прекращении «мытарств начинающих» повисла в воздухе «мы думаем».

Конвейер волокиты мешает осуществить необходимое, важное общественное дело.

Что же в ЗИФ'е?

В свое время в печати промелькнуло сообщение об организации специальной литературной консультации ЗИФ'а. Почин, казалось бы, сделан. Поток стихов и рассказов хлынул в новую отдушину. Как же их принял гостеприимный ЗИФ?

ЗИФ оказался неподготовленным. Сразу же обрадовались сотни рукописей, дожидавшихся ответа.

«23 апреля с. г.,—пишет т. Кузнецов,—Но, как водится, зифовская консультация из Волчка, я отправил вам рукописи. Надеясь получить рассказ под сукно. Уже прошло три месяца, а я все жду, да, наконец, и бросил ожидать. Вы мне писали, что рассказ вышлете через неделю, но прошло 1½ месяца, а я его еще не получил».

Таких писем большое количество. Они не случайны. Зифовская консультация возникла стихийно, без предварительной подготовки. Интереснее всего, что по сей день ответственная работа с начинающими авторами находится в ведении отдела пропаганды (бюро информации ЗИФ'а). С таким же успехом мог бы ведать литературной консультацией хотя бы рекламный, или иной отдел ЗИФ'а.

Между тем, в ЗИФ'е— издательстве, тесно связанном с писателями, консультация могла бы быть поставлена не так кустарно. Но даже в таком виде консультация провела существенную работу, так как предоставила ряду авторов обстоятельные отзывы. Отзывы не ограничивались общими местами. Многие из них обсчитываются излишним академизмом и упором на формальную сторону. Легче всего выхватить из текста отдельные неправильности, несколько приписать «Хромает орфография, нет знаков препинания».

Массовый автор ждет от консультации другого типа отзывов.

Лучше других, но...

Есть и исключения из правил. Вот, например, литконсультация РАПП'а. Все рукописи, не принятые журналами РАПП'а, получают подробные и продуманные отзывы. Здесь молодые авторы встречают внимательное отношение. Консультация увязана с общей работой РАПП'а, отпускаются средства, привлечен ряд постоянных, вполне квалифицированных рецензентов. Консультация обслуживает не только членов ассоциации, а дает отзывы самым различным группам авторов, уделяя особое внимание уже напечатанному материалу в провинциальных литстраницах.

Но и здесь мы сталкиваемся с такими случаями, когда рассеянный рецензент начинает мудрить, забывает кому и зачем он пишет.

Что понял малограмотный рабочий-Буровой, из следующих строк рапповского рецензента — «нет никакого локального подбора ассортимента художественных приемов», или крестьянин Гриневский, получивший из консультации совет: «нет в обобщении образов языка, конкретизации героев».

Интересно, по какой линии шел рецензент, писавший это?

Продолжительной работы с начинающими авторами консультация еще не наладила. Предполагается, что вокруг нового массового журнала РАПП'а будет вестись работа с наиболее широким кругом начинающих.

Сальдо

Выводы должны быть краткими.

Начинающий автор не получает помощи.

Надо помогать начинающим авторам не только отзывами и советом «почитайте Шенгели и Крайского». Есть места, где у людей нет возможности и средств получить даже и это.

Тов. Шенкман из литконсультации РАПП выдвинула ценное предложение об организации специального книжного фонда для таких авторов. Это предложение легко осуществить. Несколько книжек, внесенных каждым в этот фонд, составят большую ценность для людей, заброшенных в далекие уголки Союза.

«Маститые» наши писатели не должны остаться также в стороне от работы с начинающими. Они охотно уступили эту обязанность одному Максиму Горькому. Общение с сложившимся писателем — большая школа для начинающего. Не обязательно для каждого уделять начинающим такое внимание, как это делал в свое время Короленко. Но каждый писатель, тоже был когда-то начинающим, и он не в праве отказать в помощи другому начинающему.

Литературные консультации должны организованно привлечь писателей, связав с ними тех из начинающих, которым нужна индивидуальная работа, у кого заметны достижения и крупицы таланта.

Существующих литературных консультаций недостаточно. Авторы плохо знают о их существовании. Часто не имеют даже адреса. Огромное количество рукописей направляется ежедневно и в бюро расследования газет и в наркоматы. Отзыв получает какая-то сотая доля всех рукописей, ищущих совета и внимания. Необходимо сдвинуть с мертвой точки дело создания единой консультации Государственного издательства.

Революция сделала «начинающими» людей разных возрастов. Может быть они только что ликвидировали свою малограмотность и получили доступ к книге. Они заочно, не дожидаясь проспектов, хотят и требуют внимания к себе.

В литконсультацию РАПП ежемесячно поступает около 300 рукописей. Какое же количество самого разнообразного материала поступает в другие издательства и редакции? Это колоссальный плацдарм, чрезвычайно важной культурной работы.

Издательства должны уметь охватить культурный рост массы, а не поворачиваться к ней спиной.

Вл. Шмерлинг.

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ИНСТИТУТ БУДЕТ СОЗДАН

Совещание в МК ВКП(б)

На-днях в Агитпропотделе МК ВКП(б) состоялось совещание по вопросу организации Литературного института с участием представителей МК партии, издательств, МАПП'а, Наркомпроса и др.

Зав. отделом художественного образования Главпрофобра т. Холмский сообщил о результатах работы комиссии по открытию Литературного института.

— Комиссия разработала вопросы структуры, целевой установки учебного плана и комплектования слушательского состава литвуза. Годовая смета института выразилась в сумме 150.000 рублей, при чем издательские организации должны были нести 40 проц. бюджетных расходов, а Наркомпрос—60 проц. Литературному институту предположено было передать здание 2-го педтехникума, при условии предоставления Наркомпросу равноценного помещения под общежитие. 1 августа комиссия Главпрофобра закончила свою работу и передала материалы на рассмотрение коллегии Наркомпроса.

Наркомпрос не утвердил составленную смету по литвуз'у, ссылаясь на напряженность бюджета. Основную тяжесть финансирования института должны на 1 год взять издательские организации. Наркомпрос же может выделить только 25.000 рублей.

Эти и ряд других обстоятельств заставили Наркомпрос усомниться в возможности открытия Литературного института.

Зам. зав. АППО ВКП(б) тов. Никулихин указал, что при разрешении вопроса по организации Литературного института МК исходил не только из того обще-культурного значения, какое должен иметь институт, но имел в виду и значительную потребность в новых кадрах литературных работников. Издательские организации должны быть наиболее заинтересованы в организации литвуза. Комплектование Литературного института необходимым слушательским составом не встречает трудностей. Вопрос с бюджете нового вуза может быть разрешен путем ассигнования со стороны издательств от 40 до 50 проц. общей суммы сметы. Наркомпрос должен увеличить ассигнования на институт вдвое—доведя их до 50.000 рублей. Таким образом, имея ¾ бюджета, институт может и должен быть открытым в текущем учебном году. Помещение 2-го педтехникума должно быть передано литвузу.

Совещание при МК ВКП(б) постановило **признать темп подготовительных работ по организации литературного вуза недостаточным. Главпрофобру предложено в 7-дневный срок войти с ходатайством в Совнарком об открытии Литературного института, с указанием источников финансирования.** Наркомпрос и издательства должны в 3-дневный срок рассмотреть и определить смету литвуза. Издательства должны финансировать институт в размере не менее чем 50 проц. бюджета. Наркомпрос должен выделить на литвуз **50.000 рублей.** Бюджетные ассигнования Москпрофобра с высших геслиткурсов должны быть перенесены на Литературный институт. Совещание постановило также выяснить возможность участия в финансировании института газетных издательств.

Решено закрепить помещение 2-го педтехникума за Литературным институтом и предложить жилотделу Моссовета предоставить Наркомпросу равноценную жилплощадь под студенческое общежитие.

ХОДАТАЙСТВО НАРКОМПРОСА

В беседе с нашим сотрудником о работах по открытию Литературного института, тов. Холмский сообщил следующее.

— Наркомпрос возбудил ходатайство перед Совнаркомом РСФСР об утверждении литвуза. Издательские организации дали согласие на финансирование института не менее чем на 50 проц. (75.000 руб.). 50.000 рублей предполагает выдать Наркомпрос. Перед МОНО поставлен вопрос о том, чтобы сметные ассигнования на ВГЛК, перечислить в фонд литвуза. Кроме того, Наркомпрос предполагает дополнительно привлечь к финансированию института центральные газетные издательства («Известия», «Рабочая Москва» и др.). Учебный план литвуза будет окончательно разработан к 15 сентября.

Сейчас приступила к работе отборочная комиссия по приему в Литературный институт пролетарского состава слушателей литкурсов. **Всего в институт будет принято 400 человек, из них 300 человек с литкурсов. Остальные слушатели будут приниматься в порядке командировок от нацреспублик и от парторганизаций. Начало занятий в литвузе намечено в ноябре.**

ОПЯТЬ ВОЛОКИТА!

Несмотря на вполне определенное решение МК ВКП(б), по вопросу открытия Литературного института, в текущем году и всю проделанную подготовительную работу, литвуз в конечном счете **помещения не имеет.**

Освободившееся помещение 2 педтехникума в Москве (1 Гражданская, 58), на второй же день было занято под общежитие. В чем тут дело? Оказывается, что сотрудник Главпрофобра тов Томский, ведающий размещением студентов по общежитиям, не желает считаться с решениями партийных организаций. Когда к тов. Томскому пришли представители комиссии по организации литвуза для того, чтобы выяснить вопрос с помещением, последний ответил:

— Вам не видать этого здания, как своих ушей без зеркала. (!) Поставьте на нем крест...

На вопрос о том, как думает Главпрофобр использовать это помещение, тов. Томский заявил:—Мне до этого дела нет, пусть там хоть фокстрот танцуют...

Литературный институт должен получить полагающееся ему по праву помещение.

ЧЕЛОВЕК И МАШИНА

О крестьянской поэзии

Переживаемый деревней перелом порождает у поэтов двоякого рода настроения, взаимно исключающие друг друга: идеализация старой деревни, боязнь машины и городской культуры,—и желание активно содействовать революционному перевороту путем художественного изображения картин новой деревни. В первом случае выступает в обнаженнейшем виде романтизм самого реакционного свойства, соответствующий настроениям политически отсталых и социально гибнущих групп. Во втором случае сказывается прогрессивный романтизм, соответствующий настроениям политически восходящих групп. Для первого характерен Клюев, для второго—Доронин.

Надо воздать должное Доронину. Он первым поднял голос за новую деревню—индустриализированную, электрифицированную. На заре своего творчества он заявил: «Я хотел бы в лесах хмельно-кудрых, в лугах заливных, видеть травы живых заводов, видеть тысячи солнц городских». «Тракторный пахарь»—это первое произведение, в котором героями являются человек и машина. Это произведение законно вызвано и вызывает ряд подражаний. Поэты, сознающие роль и значение машины в деревне, слагают о ней (машине) оды, песни, эпопеи. Но вот тут-то нам хочется сказать, что воспевание машины сплошь и рядом носит шаблонный характер. Один молодой поэт пишет:

«Купили трактор мы гуртом,
Пегашка нам почти не нужен.
Парным душистым молоком
Я заливаю сытный ужин».

Такова эта простодушная идиллия в изображении начинающего поэта.

А вот что пишет другой:

«Отдыхай тогда до смерти,
Пусть года тебя с'едят.
За тебя стальные черти
Наши нивы взборoздят».

«Стальные черти»—это совсем не «по-пролетарски». Так может говорить Клычков. Но не в этом дело. Гораздо интереснее то, что это гневное обращение адресовано лошади, крестьянской трудовой лошадке. О, неумолимая людская жестокость!

«Оригинальным» показом трактора поражает некий К. И.

«Ходит совсем без запряжки
И вожжей ему в рыло не надо.
Он лопает что-то из фляжки
И дышит каким-то смрадом».

Не трактор, а чудо-юдо!

В большинстве стихотворений фигурирует мотив узко хозяйственного значения. Поэты не видят, как машина врывается в старый быт, как под ее напором ломается и трещит по всем швам этот старый быт.

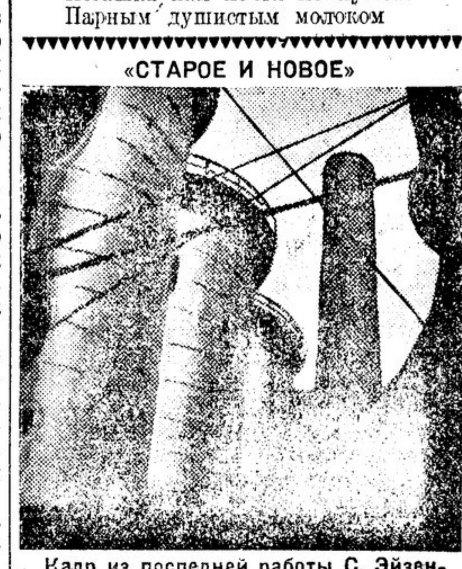
Успенский, как известно, верил в возможность освобождения крестьянства от религиозных предрассудков. Он постоянно говорил о «власти земли», которая держит крестьянство в своих цепях, не давая ему освободиться от тяготеющей над ним косности. По этому поводу Плеханов писал: «Зависимость человека от природы имеет меру, которая сама изменяется. Достигнув известной степени, это количественное изменение меры зависимости человека от природы, качественно изменяет самое отношение человека к природе. Находясь первоначально под властью природы, он постепенно приобретает власть **над природой.** Сообразно с этим изменяются отношения людей не только в самом прогрессе производства, но и во всем обществе».

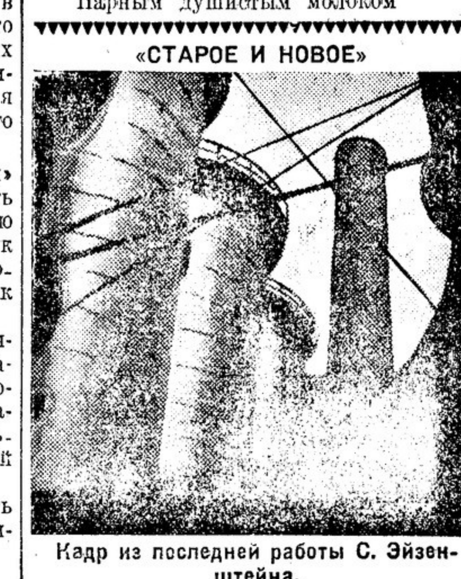
Справедливость этих слов можно проверить на материале сегодняшнего строительства. Машина революционизирует быт. Машина воспитывает в крестьянстве новые привычки.

Никто не станет отрицать актуальности антирелигиозной темы, но эту тему надо разрабатывать не плакатно, как это делается сплошь и рядом, а глубоко научно, показав борьбу человека с природой и преодоление в процессе этой борьбы тяготеющих над ним предрассудков.

Мих. Беккер.

«СТАРОЕ И НОВОЕ»

Кадр из последней работы С. Эйзенштейна.

НОВОСТИ ЗАПАДНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

— В берлинском издательстве «Нейер Дейчер Ферлаг» вышла интересная книга известного немецкого журналиста Курта Тухольского. Книга эта называется «Германия, Германия превыше всего». Тухольский сделал интереснейший опыт соединить остроумный текст своих фельетонов с фотографическими документами, блестяще смонтированными Джоном Гердфильдом. В результате получилась оригинальнейшая и единственная в своем роде книга, представляющая собой яркий памфлет на современную буржуазную Германию — на военщину, фашистов, шиберов и буржуазных политиков.

— Бельгийская литературная премия, известная под названием «Верхарновской премии», присуждена за 1929 год Генриэтте Дюбуа. Молодая поэтесса выпустила до сих пор лишь один маленький томик лирики, написанный в стиле Валери.

— Мода на «военные романы» не проходит в Германии. Вышла новая книга Карла Федерна «Капитан Лтур». Подобно Хашеку, автор пытается дать гротескное изображение войны.

ДОШКОЛЬНЫЙ ПОХОД

Совещание в Наркомпросе решило создать при Центральном штабе дошкольного похода специальный денежный фонд. Москва отстает в подготовке к походу. Слабо участвуют в походе комсомол, МОНО, Губпрос, Жилсоюз и др. Московское общество «Друг Детей» в то же время ощущает острый недостаток в пропагандистах и докладчиках. Нет педагогических кадров. Нет помещений. Работу проводят неподготовленные товарищи.

ОБЩЕЕ СОБРАНИЕ ПИСАТЕЛЕЙ

Местком писателей извещает всех членов профсоюза, входящих в местком, что в субботу, 7 сентября, в 4 часа дня, состоится общее собрание (в Большом зале Дома Герцена).

Повестка дня: 1) Доклад об издательской пятилетке. 2) Очередные задачи профсоюзной работы. 3) Выборы делегатов на областной с'езд и областную конференцию СРПП.

Джемс Джойс

УЛИСС

(Фрагменты)

Автор «Улисса», ирландский писатель Джемс Джойс, является одной из самых интересных фигур послевоенной западно-европейской литературы. Необычайная новизна и свежесть его литературных приемов, наиболее полно выявленные в «Улиссе», создали Джойсу славу «сумасшедшего гения». Джойс использует слова различных языков, создает новые соединения слов, совершенно отказывается от всякого украшательства своего языка, дает удивительно лаконичный и экономный напряженный стиль. Кажущаяся путанность джойсовской манеры, при внимательном чтении, оказывается вполне оправданной.

«Улисс», с его пятидесятилистовым об'емом, являет собой индекс действий, настроений, воспоминаний, мыслей и вкусов дублинского еврея Блума, на протяжении двадцати четырех часов. Задача Джемса в нем — показать полную работу человеческого мозга за день — скачущий поток мыслей — без всяких купюр и из'ятий. Откровенность Джойса, сравниваемого французской и американо-английской критикой с Раблэ, послужила причиной запрещения этой книги в Англии и в Америке. «Улисс» еще не был предметом анализа марксистской критики; весьма возможно, что это произведение будет признано далеким от интересов и запросов советского читателя.

Помещая отрывки из романа, редакция имела в виду ознакомить советского читателя с работой оригинальнейшего мастера НОВЫХ ЛИТЕРАТУРНЫХ ФОРМ, приемы которого могут представить большой формальный интерес и для советских писателей.

1. Леопольд Блум с наслаждением ел телячьи и куриные потроха. Он любил густой суп из дичи, начиненную орехами шейку, рубленую печонку в сухарях, поджаренную тресковую икру. Больше всего он любил бараньи почки, щекотавшие его небо тонким привкусом слегка надушенной урины.

Он думал о почках, медленно расхаживая по кухне, и собирал посуду для завтрака на поместительный поднос. В кухне было тускло и прохладно, но повсюду за дверьми стояло тихое, солнечное утро. Это возбуждало в нем чувство легкого голода.

Угли накалялись.

Второй кусок хлеба с маслом: третий, четвертый: достаточно. Она не любит полной тарелки. Так. Он отошел, взял чайник и поставил его на огонь. Коренастый чайник стоял, уныло вытянув нос. Скоро чашка чая. Хорошо. Во рту сухо. Кошка с поднятым хвостом, сжавшись, ходила вокруг стола.

— Мняо!..

— А, ты здесь, — сказал Блум, повернувшись к ней.

Кошка мяукнула в ответ, напряженно кружась у ножки стола.—«Вот так же она ходит и по моему письменному столу. П-ррр... Почеши меня за ухом, п-ррр». Блум с ласковым интересом следил за гибкой черной фигурой. Приятно видеть отлив гладкой шерсти, белое пятнышко под хвостом, зеленые, искрящиеся глаза. Он подсел к ней, опустившись на корточки, руки на коленях.

Джемс Джойс.

— Молоко для кошечки,—сказал он.

— Мркняо...—мяукнула кошка.

— Считают их глупыми. — Они понимают нас лучше, чем мы их. Она знает, чего ей хочется. И мстительна. Забавно, как я ей кажусь. Вершиной башни? Нет, она может вскочить на меня.

— Боится цыплят, — посмеиваясь, сказал он.—Боится цып-цыпов. Никогда не видал таких глупых кошек, как кошки.

Жестокая. Ее натура. Странные мыши, никогда не пищат. Будто им нравится.

— Мрняу, — громко мяукнула кошка.

Она мигнула своими жадными, стыдливо полузакрытыми глазами, мяукнув протяжно и жалобно, показав ему свои молочно-белые зубы. Он наблюдал, как ее суженные жадностью веки раскрывались, обнажая зеленые камни зрачков.

Он подошел к шкафчику, взял кувшин, только-что наполненный молочком от Хенлона, и, налив блюдечко теплого пузырящего молока, осторожно поставил его на пол.

— Гурхр...—мяукнула кошка, прыгнув к блюдцу.

Он следил за щетинистыми усами, блеснувшими антеннами в тусклом свете, в тот момент, когда она, трижды ткнувшись в блюдце, принялась лакать. Правда ли, если отнять их, они не смогут охотиться за мышами. Почему? Они светятся в темноте, вероятно, кончики. Или ими осязают в темноте?

Он прислушивался к ее лаканью. Омлет с ветчиной? Нет. Из-за засухи не стало свежих яиц. Требуют чистой воды. Четверг не подходящий день и для бараньих почек у Бертлея. Поджаренные на масле, слегка поперченные. Лучше свиные почки у Длугача. Пока чайник не вскипел. Она лакала все медленнее и затем начисто вылизала блюдце. Почему у них такой шершавый язык? Лакать лучше, весь в пористых дырочках. Ничего не с'ест? Он огляделся. Нет!

Тихо скрипя башмаками, он поднялся по лестнице в столовую, задержавшись у двери спальни. Она может захотеть чего-нибудь вкусного. Она любит тонкие ломтики хлеба с маслом по утрам. Все еще: иногда.

Он не громко сказал пустой комнате:

— Я иду на угол. Сейчас вернусь.

И услышав, как он это сказал, прибавил:

— Ты ничего не хочешь на завтрак?

Сонное бормотанье ответило:

— Мн...

Нет. Она ничего не хотела. Он услышал тяжелый вздох, облегченный, когда она повернулась, и разболтавшиеся медные шишечки на спинке кровати звякнули. Нужно их подвинтить наконец. Жалко. Ведь с Гибралтара. Забыла и то немногое по-испански, что знала. Интересно, сколько заплатил ее отец. Старомодная. Да, конечно. Куплена на губернаторском аукционе. Легко досталась. Не упустит дешевки старый Твиди. Да, милостивый государь. Дело было под Плевной. Я выслужился из простых солдат, милостивый государь, и горжусь этим. И, однако, у него хватило мозгов провести это дело с марками. Это было дальновидно.

Он снял шляпу, висевшую над его тяжелым с инициалами пальто и подержанным дождевиком, купленным по дешевке. Марки: картинки с липкими спинками. Наверно, не мало чиновников занимается этим. Конечно, еще бы. Пропотевшая наклейка внутри шляпы молчаливо сообщила ему: «Пласто — высшего качества». Он быстро взглянул за кожаный ободок. Свернутая бумажка. Все в порядке.

**

2. На углу он перешел улицу и стоял перед витриной ИТС с сыном, разглядывая бинокли. Не зайти ли к старому Гаррису, поболтать с Синклером? Хорошие манеры у парня. Вероятно, завтракает. Надо поправить старые очки. Герцовские линзы, 6 гиней. Немцы пролезают всюду. На хороших условиях продают. Чтобы захватить торговлю. Подрезают. Пожалуй, удастся найти пару в железнодорожной камере потерянных вещей. Забавные вещи оставляют люди в поездах и на вокзалах. О чем они думают? Женщины тоже. Невероятно. В прошлом году по дороге в Эннис подобрал саквояж этой фермерской дочки и отдал его ей на скрещении в Лимерике. Бывают и невостребованные деньги. Вон там на крыше есть маленькие часы для пробы биноклей

Его веки опустились на края радужной оболочки. Ничего не видно. Если вообразить, что они там, пожалуй, можно разглядеть их. Ничего не видно.

Он осмотрелся вокруг и, стоя под навесом, вытянул правую руку во всю длину по направлению к солнцу. Давно хотелось попробовать. Да: совсем. Кончик его мизинца закрыл солнечный диск. Вероятно, фокус, где лучи скрещиваются. Если бы у меня были черные стекла! Интересно. Столько было разговоров об этих солнечных пятнах, когда мы жили на западной Ломбардской улице. Чудовищные это взрывы! В этом году ожидается полное затмение: осенью.

А ведь как подумаешь, этот шар опускается по Гринвичскому времени. Часы приводятся в действие электрическими проводами из Дунсинка. Надо с'ездить туда в субботу, как-нибудь. Если бы иметь рекомендацию к профессору Жолли или разузнать что-нибудь о его семье. Это помогло бы: люди всегда бывают польщены. Лесть, где ее меньше всего ждали. Дворянину лестно быть потомком королевской любовницы. Его праматерь. Льстивый везде пролезет. Наложите ее лопаточкой. И не подумайте явиться и сразу спросить: Что такое параллакс? Покажите дверь этому господину.

Ах!

Его рука снова опустилась.

Ничего об этом не узнаешь. Трата времени. Газовые шары вертятся, скрещиваются друг с другом, проходят. Всегда все тот же динг-динг. Газ, потом твердо, потом мир, потом холод, потом мертвая скорлупа болтается вокруг. Луна. Скоро появится новая луна, она сказала. Кажется, она уже есть.

Он прошел мимо Мезон Клер.

Постой. Полнолуние было в субботу, две недели назад, определенно должна быть новая луна. Прогуляться по Толка. Не плохо для луны из Фервью. Она напевала: молодая майская луна сияет, дорогой. Он сбоку. Локоть, рука. Он: лампочки светляков мерцают, дорогая. Прикосновение. Пальцы. Вопрос. Ответ. Да.

Стоп. Стоп. Было так, было. Так.

Блум, быстро дыша, шагая медленнее, прошел Адам Корт.

С молчаливым облегчением его глаза отметили: на этой улице в полдень Боб Дорен напивается.—Его ежегодный вывих,—говорит Мак Кой. Они пьют, чтобы поболтать, или подурачиться, или cherchez la femme. Попьянствуют в Комби с друзьями и уличными бездельниками и потом до конца года трезвы, как судья.

Да. Так и думал. Опускается в Ампир. Ушел. Сельтерская ему поможет. У Пата Кинселла здесь был театр Арфа до того, как Войтбред держал Королевский. Славный парень. Круглолицый Дион Бочикот со своим делом сел в калошу. Три девочки Пурти из школы. Как время летит, а? Показывали свои длинные красные панталоны из-под юбки. Пьяницы, питье, смеялись, пуская слюну, дышали питьем. У Пата было крепче. Красные рожи: лафа для пьяниц: грохот и дым. Снимите белую шляпу. Его недоваренные глаза. Где теперь он? Побирается где-нибудь. Живодер, который обирал нас всех.

Я был счастливее тогда. А был ли то я? Или я—теперь я? Двадцать восемь мне было. Ей двадцать три, когда мы покинули Ломбардскую улицу, что-то изменилось. После Руди это мне уже не могло нравиться. Времени не вернуть. Будто стараешься удержать воду в руке. Хотел бы вернуться назад? Едва начинали тогда. Хотел бы? Разве плохо тебе дома, бедный маленький проказник? Хочет пришить мне пуговицу. Я обязан ответить. Напиши это в библиотеке.

Графтон-стрит, веселая от навесов над окнами кружила его мысли. Муслиновые ткани, шелк, дамы и вдовы, бряцанье сбруи, мягкий цок подков на шоссе. Толстые ноги у этой женщины в белых чулка. Хорошо, если бы они загрязнились от дождя. Деревенская пережеванная грудинка. Набита мясом до каблуков. От этого и ноги неуклюжие.

Он прошел, задержавшись у витрины Браун-Томас, торговцы шелком. Каскады лент, летучие китайские шелка. Опрокинутая урна выбрасывала поток окрашенного в кровь поплина: сияющая кровь. Гугеноты лили ее здесь. La causa è santa! Тара, тара. Чудесный хорал. Тара. Должно быть вымыт в дождевой воде. Мейербер. Тара: бом, бом, бом.

Подушечки для булавок. Давно собирался купить. Разбросаны всюду. Иголки в оконных шторах.

Он посмотрел на кисть левой руки: Царапина: почти исчезла. Не сегодня, во всяком случае. Нужно вернуться за примочкой. К ее рождению быть может. Июниюль, авгсентябрь, восьмое... Почти три месяца еще. И потом ей может не понравиться. Женщины не подбирают булавок. Говорят, колются.

Мерцающие шелка, юбки на тонких медных прутьях, лучи растянутых шелковых чулок.

Незачем возвращаться. Должно было быть. Скажи мне все.

Громкие голоса. Нагретый солнцем шелк. Бряцающая сбруя. Все—женщине, очаг и дома, паутина шелков, серебро, сочные фрукты, пряности из Яффы. Агендас нейтам[1]). Богатство мира.

Горячая полнота жизни навалилась на мозг: мозг подавался. Запах об'ятий охватил его всего. С затаенно голодным телом он молча жаждал обожать.

Дюк-стрит. На месте. Надо поесть. Бартон. Почувствуется лучше.

Он повернул за угол, все еще преследуемый. Цоканье подков. Пахнущие тела, теплые, полные. Зацелованные, поддаются: в густых летних полях, спутанная прижатая трава, в отсыревших стенах доходных домов, на кушетках, скрипящие кровати.

— Джек, милый.

— Дорогая.

— Поцелуй меня, Регги!

— Любимая.

С прыгающим сердцем он протиснулся в дверь ресторана Бартон. Вонь охватила его дрожащее дыхание: крепкий говяжий сок, лужа зелени. Смотри кормежку зверей.

Люди, люди, люди.

Насест высоких табуретов у стойки, шляпы сдвинуты на затылок, столы, требуют добавочного бесплатного хлеба, волчий проглот обслюненной жратвы, выкатившиеся глаза, вытирают мокрые усы. Бледный, с лицом бараньего жира юноша, вытирал стакан, нож, вилку и ложку салфеткой. Новое полчище микробов. Мужчина с забрызганной соусом детской салфеткой за воротником, вбрасывал булькающий суп в глотку. Мужчина, выплевывающий изо рта на тарелку: полупрожеванные хрящи: нет зубов для жеванья. Баранья отбивная котлета. Быстро глотает, чтобы разделаться с ней. Грустные глаза охмелевшего. Откусил больше, чем может прожевать. Я похож? Видеть себя, как другие нас видят. Голодный человек, злой человек. Челюсти ходят. Не смей! О кость! Этот последний ирландский король, язычник Кормак из школьной хрестоматии, подавился в Слетти, к югу от Бойна. Интересно, что он ел. Какую-то чертовщину. Святой Патрик обратил его в христианство. Все равно не смог проглотить.

— Ростбиф с капустой.

— Одно рагу.

Человечьи запахи. К горлу подкатило. Распыленные плевки, сладковато тепловатый дым сигарет, окись кранов, расплеснутое пиво, мужская пивная моча, застоявшееся брожение.

Здесь куска не проглотить. Парень натачивает нож и вилку,—с'есть все, что перед ним. Беззубый старик с зубочисткой. Легкая спазма, полная, отрыгнул, жует опять. Прежде и после. Любезность после еды. Взгляни сюда, потом туда. Подбирает соус обсосанными кусочками хлеба. Вылижи тарелку. Скорей отсюда.

Он посмотрел кругом, сузив ноздри.

— Два пива сюда.

— Одна солонина с капустой.

Этот парень глотает капусту с ножа, словно от этого зависит вся его жизнь. Ловкий удар. Безопаснее есть тремя пальцами. Отщипывая с края. Привычка — вторая натура. Родился с серебряным ножом во-рту[2]). Это остроумно, мне кажется. Или нет. Серебряный, значит богатый. Рожден с ножом. Но тогда пропадает параллель.

Неуклюжий официант собирал липкие громыхающие тарелки. Полицейский комиссар Рок, стоя у стойки, сдувал пенную корону с кружки. Поднялась высоко: желто расплеснулась у самого сапога. Обедающие; вилка и нож подняты, локти на столе, ожидая второй порции, смотрит на под'емник, приносящий кушанье, поверх грязной газеты. Другой, что-то говорит ему с полным ртом. Симпатичный слушатель. Застольная беседа.

Блум вопросительно поднес два пальца к губам. Его глаза сказали:

— Не здесь. Не вижу его.

Уйду. Ненавижу грязную еду. Он повернулся к двери. Лучше перекусить у Дэви Бирна. Заморю червяка. Будет достаточно. Хорошо позавтракал.

— Жаркое и пюре сюда.

— Кружку пива.

Каждый за свое, зубами и ногтями. Глотай. Хватай. Снова глотай. Рот набивай.

Он вышел на свежий воздух по направлению к Графтон-стрит. Ешь или будь с'еден. Убей. Убей.

1) Древне-еврейское изречение.

2) «Родился с серебряной ложкой во рту» — англ. поговорка, равная русской: «родился в сорочке».

Перевод С. Алымова и М. Левидова.

ТЕАТР и КИНО

ДЕТИ В АМФИТЕАТРЕ

Каждый вечер, с пяти, или семи часов, круглый зал бывшего Тенишевского училища наполняется веселыми голосами будущих советских граждан. Они приходят из школ и пионерских баз, из детских домов; они приходят сюда в Театр юных зрителей организованно, сотнями, во главе с каким-нибудь суровым пареньком, ведущим их, как полки, батальоны, на штурм театра.

Работники Ленинградского Тюза гордятся своим зрителем и верят ему.

Педагоги театра знают уже наизусть, как и на что реагируют ребята. Они знают, что в «Томе Сойере», когда Том и Бекки попадут в беду — в лапы к отвратительному индейцу Джо, весь зал, как один человек, разразится тяжелым, испуганным «ах!», что в спектакле «Семь огней» сигналы революционеров с моря будут считать не только их товарищи на берегу, не только полиция на маяке, но и весь зрительный зал: вся масса детей, повернувшись спинами к сцене, — будет следить за мельканием зеленого огонька. В спектакле «Так было» озверевшие черносотенцы громят лачужку. Никакая сила не в состоянии как-будто обуздать их разбушевавшуюся жестокость. Но вот находится маленький мальчишка, взбирается на колокольню, начинает трезвонить в колокола — пожар... пожар... Испуганные погромщики прекращают грабеж и в панике бегут. Какими бурными аплодисментами награждают дети маленького героя, сумевшего обмануть погромщиков!

Симпатии нового «советского ребенка» всегда на стороне тех актеров, которые изображают активных, находчивых, смелых людей. Они никнут не плохой игре, но плохим делам. Они приветствуют не актерское мастерство, но мастерство «человеческое» — ловкость, сообразительность, остроумие.

Образ вубастого, добрейшего и находчивого Гека Финна, созданный актрисой Пугачевой, фантастически длинный Дон-Кихот-Чарнасов, проделывающий со своим туловищем невиданные фортели, — уже запомнились детям и неизменно встречают симпатии и поддержку аудитории.

Интересный и поучительный путь проделал ТЮЗ'ом в смысле репертуара. Восемь лет назад театр этот начал свою работу совсем не современными, сказочными представлениями («Конек-Горбунок», «Гуси-Лебеди»), — а сейчас может уже похвастать не только советской мелодрамой («Семь огней»), не только романтической пьесой на мотивы гражданской войны («Тимошкин Рудник», «На перевальной тропе»), но и вздымленной советской, если угодно, «индустриализованной» сказкой («Ундервуд» Евг. Шварца), отличие которой от всех прочих в том, что все чудеса и сказочные операции связаны не с ковром-самолетом или шапкой-невидимкой, а с радио — с самым обыкновенным, реальным радио. Но этим репертуар театра не исчерпывается. «Граждании Дарнэй», Шиллеровские «Разбойники», «Времена лодырь»... Вот примерный диапазон сегодняшнего ТЮЗ'а, сумевшего охватить все возрасты и все запросы своего зрителя. «Дети Индии» поставили перед детьми проблему колониальной эксплоатации, «Так было», — вопросы антисемитизма.

Из своих рядов театр выдвинул режиссеров, с заработанной манерой специфического спектаклестроения для детей: работы Зона и Гаккея в этом смысле чрезвычайно любопытны. По-новому использованы в детском спектакле музыка, конструктивно расположенная режиссером, по-новому обыгрывается площадка и вся архитектура зрительного зала. Необычайная конкретность, материальность сценических установок, четкость (на виду) перемены, — все это когда-то было вызвано необходимостью — отличительно запутанного сцены, но сейчас получило уже все права именоваться «эстетикой детского спектакля».

Но главное, чем примечателен этот не знающий традиций театр — оживленная педагогическая работа, развернутая вокруг спектаклей.

Уже сейчас театр имеет кадры консультантов, — делегатов от школ, детей-рецензентов, детей-зарисовщиков, детей, заседающих в художественном совете.

Дети с необычайной чуткостью реагируют на всякие «уклоны» театра, на его ошибки, на его компромиссы. Это они вскрывают и руководителями, смехом и хохотом подсказывают и определяют идеологическую линию своего театра.

С. Цимбал.

Оперная студия-театр имени Станиславского

1 сентября — оперой «Царская невеста» открыла зимний сезон Государственная Оперная Студия-Театр им. Станиславского.

Состав труппы в этом году пополнен двумя новыми артистами: Воздвиженской (колоратурное сопрано) и Любимовым (бас). Главным хормейстером приглашен заслуженный артист государственной оперы Авранек.

Первая новая постановка в сезоне — «Пиковая дама» — будет показана в декабре. Во второй половине сезона — в апреле — состоится премьера «Севильского цирюльника».

Этими двумя новыми постановками пока исчерпывается производственный план оперной студии-театра в зимнем сезоне.

Ленинградский ТРАМ

1 сентября — в Закрытом театре Парка культуры и отдыха начались гастрольные спектакли Ленинградского театра рабочей молодежи.

Театр им. Сафонова

7 сентября открывает зимний сезон Театр им. Сафонова. Для открытия идет пьеса Островского «Свои люди, сочтемся».

Музыкальный театр им. Немировича-Данченко

Сбор трупп Музыкального театра им. Немировича-Данченко назначен на 4 сентября. 6 сентября состоится испытательный конкурс для лиц, желающих войти в состав труппы. Всего подано около 300 заявлений.

Зимний сезон открывается **11 сентября** спектаклем «Джонни».

В производственном плане зимнего сезона две новые постановки: «Город ветров», опера Л. Книппера, которая пойдет во второй половине сезона, и опера Шарпантье «Луиза». Режиссура спектаклей будет принадлежать Баратову. Ответственный руководитель постановок — Вл. Немирович-Данченко.

МХАТ 2

7 сентября открывает зимний сезон Московский Художественный Театр 2. Для открытия идут «Бабы» Гольдони.

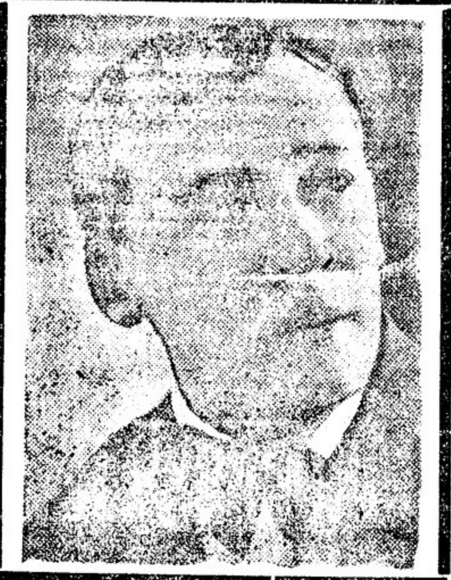
В этот день исполнится, между прочим, ровно 5 лет со дня преобразования Первой Студии МХТ в Московский Художественный Театр 2. Таким образом, открытие сезона совпадает с юбилейной датой театра.

14 сентября первый раз в сезоне пойдет «Человек, который смеется». Одну из центральных женских ролей в этом спектакле — роль Деи — впервые будет играть новая исполнительница — из состава артистического молодняка — О. Шаганова.

Первой новой постановкой театра будет пьеса Афиногенова «Чудак», которая пойдет в первой половине сезона.

ПЕТР БАКШЕЕВ

25 августа преждевременно прервалась жизнь артиста **Петра Алексеевича Бакшеева**, артиста драмы и кино, имя

которого, в лучшую пору его сценической деятельности, в течение долгих лет часто появлялось на афишах Московского Художественного Театра. Здесь он прослужил 14 лет — с 1911 до 1925 года, вел много ответственных ролей: Клешнина в «Царе Федоре», Ваську Пепла — «На дне», Скалозуба — «Горе от ума», Лапахина и Пищика — «Вишневый сад», Соленого — «Три сестры», Митю — «Братья Карамазовы» и другие. Об'ездил с театром всю Европу и Америку, пробыв за-границей шесть лет.

Бакшеев начал свою артистическую карьеру в 1904 году. Первые два года «бродяжил» с провинциальными труппами, затем попал в Москву — сперва в Введенский Народный Дом, а впоследствии к Ф. А. Коршу, где прослужил 3 сезона — до Московского Художественного Театра. С последним артист расстался в 1925 году, по возвращении из-за-границы, когда он был приглашен сниматься в кино. Предполагалось, что для картины «Межрабпом-Руси» он сыграет роль Стеньки Разина. Фильма эта снята не была, и Бакшеев вновь вернулся в драму. Весь прошлый сезон он играл в Камерном Театре. В текущем зимнем сезоне должен был играть в Московском Художественном Театре 2, где ему была поручена роль Петра в новой трагедии А. Н. Толстого. Смерть артиста нарушила эти планы.

Настоящая фамилия Бакшеева — Баринов. Родился он в 1886 году, в селе Нюховка, Тульской губернии, в крестьянской семье. Отец его, по переезде в Москву, долгое время служил капельдинером в Новом Театре. Это обстоятельство способствовало тому, что Бакшеев еще с детских лет пристрастился к искусству сцены, которой он отдал четверт века всегда верного и всегда темпераментного служения.

МОНОГРАФИЯ О МЕЙЕРХОЛЬДЕ

На-днях, в издании «Академия» выходит из печати двухтомная монография **«Мейерхольд»**, написанная Н. Д. Волковым. Книга представляет историю всей театральной деятельности Вс. Э. Мейерхольда — от ее начала в девяностых годах до наших дней. Автор монографии использовал огромное количество, как печатных материлов, так и неизданных документов из архива Вс. Э. Мейерхольда и других лиц. Н. Д. Волков подробно рассказывает о Мейерхольде, как актере, режиссере-идеологе и педагоге. Биографические данные и характеристика товрчества одного из лучших мастеров советского театра излагаются им в органической связи с историей театрально-художественных течений последнего тридцатилетия (1898—1928 гг.). Читатель, таким образом, получает возможность проследить личный творческий путь Мейерхольда на широком фоне эпохи.

Первый том монографии состоит из двух частей «Путь к театру» (1874—1898 гг.) и «Годы странствий» (1898—1908 гг.). Второй том включает третью часть монографий — «Мейерхольд и доктор Дапертутто». Каждый том снабжен фронтисписом и 26 иллюстрациями на вкладных листах.

Н. Д. Волков готовит в настоящее время к печати третий том монографии (1917—1929 гг.). Этот том будет заключен специальным исследовательским очерком об искусстве Мейерхольда, как определенной театральной системе.

Поступающие на-днях в продажу первые два тома монографии «Мейерхольд» покрыты изящными коленкоровыми переплетами.

Новые советские фильмы

Московское центральное отделение Совкино, в сентябре выпускает в прокат новые фильмы: «Последний аттракцион» — кино-драма, по повести Мариэтты Шагинян «Агит-фургон». Режиссер О. Преображенская.

Из производства Госкинпрома Грузии выходит в прокат фильма «Саба»—кино-драма, с участием С. Джамашвили, В. Анджапаридзе и др. Режиссер М. Чиаурели. Азгоскино выпускает художественную кино-драму из жизни Востока «Севиль». Режиссер Амо Бек-Назаров. В главной роли — Белла Белецкая. Из производства ВУФКУ будет показана картина «Лавина». В главных ролях — Нина Ли и Н. Панов. Режиссер Иван Перестиани.

**

Главреперткомом просмотрены и разрешены к демонстрированию следующие фильмы: «Черный парус», «Старое и новое» — эпопея, «Обломок империи» — производство **Совкино.** «Рельсы гудят» — кино-пьеса, комедия «Чины и люди», «Книжная полка» (мультипликация) — производство **Межрабпомфильм.** Кино-драму «Глаза, которые видели» — производство ВУФКУ, «Бог войны» — кино-пьеса, производства **Госкинпрома Грузии.** Комедии Госвоенкино: «Знаменитость», «Крестины Клакстона» и кино-поэму «Пионерия»—производство Культкино.

Из **культурфильм** Главреперткомом разрешены к прокату: «Осенняя посевная кампания», «Столицы Сибири». «Зимний праздник физкультуры», «Соревнование Москва — Ленинград», — производство Совкино. «Свинец—яд», «Белый кирпич» — производство Межрабпомфильм. «Скарлатина», «Береги глаз», «Сплав леса» — производство ВУФКУ.

Новости заграничного проката

Совкино выпускает в прокат боевик производства Уфа-фильм «Мертвая петля», американскую фильму «Проект инженера Стронга» (режиссер—Ральф Инкс), германскую фильму «Мулен Руж», и две комедии: «Она — это он», и «Лассо». В октябре будет показана новая фильма «Сын зерро» (Дон Q), с участием Д. Фербенкса.

Кроме того, выпускаются в прокат: «Безбожница»—кино-драма, «Три Джека» — кино-пьеса, и комедии: «Пилигримм», «День плажета», «Бабочка большого города», «Дитя», «День развлечений», «Ленивый класс» и «Собачья жизнь».

ОТОВСЮДУ

◆ Татгосиздат проектирует постройку в Казани грандиозного «Дворца книги». Проект уже утвержден в соответствующих инстанциях.

Дворец обойдется в несколько миллионов рублей и будет вмещать в себе редакции всех татарских газет и журналов, издаваемых в Казани, весь аппарат Татиздата, со всеми его отделами, складами, мастерскими и типо-литографией; рабочий клуб со множеством комнат и обширным зрительным залом.

◆ Пароход «Культпоход» Межрабпома, в данное время находится в Казани. Пароход до 23-го сентября будет в Татреспублике вести культработу в татарских деревнях на Каме.

◆ Восточный Педагогический Институт (ВОПИ) в Казани избрал профессором по кафедре татарской литературы известного литературоведа-доцента Абдрахмана Саади. Это, по счету третий случай после революции, избрания из татар профессора.

◆ Татарский поэт **Алтанлы** (Шеих-Заде) готовит к печати роман в стихах «Хищник» (из жизни вузовцев), на тему о советской интеллигенции. Вышла отдельным изданием поэма «Трактор», получившая I премию на конкурсе к десятилетию Октябрьской революции.

◆ **Ежегодник литературы и искусства на 1929 г.**

С настоящего года секция литературы, искусства и языка Коммунистической Академиии приступает к изданию «Ежегодника Литературы и Искусства»

Задача «Ежегодника», с одной стороны, проанализировать тенденции развития за данный промежуток времени, вскрыть общественную классовую сущность явлений, с другой — дать достаточно широкую информацию по всем вопросам литературы и искусства.

«Ежегодник» делится на 5 частей: 1) литература, 2) театр, 3) кино, 4) изобразительные искусства, 5) музыка. Кроме того, приведена обширная библиография по всем указанным областям. В основу обзоров положен материал 1928 г. и, частично, 1929 г.

Издание «Ежегодника» является у нас первым опытом. Потребность в таком издании назрела огромная. Нигде нет такого великого разнообразия мнений, как на фронте искусства.

ОТ РЕДАКЦИИ

Нас просят сообщить, что в статье Ю. Исакова о «Московском Рабочем» (см. «Лит. Газ.» № 18) допущены неточности. Специальным обследованием установлено действительно, что «**отчетность поставлена из рук вон плохо.** Сообщение же т. Исакова о том, что редакция получает 4.000 рублей для **оплаты гонорара** на каждый номер—неточно, редакция получает на каждый номер 3.750 рублей не только на оплату напечатанного материала, но и **на расходы по редактированию и рецензированию рукописей и др. редакционные расходы.** Неверно и сообщение статьи о том, что провинциальные авторы, «как правило, по 3—4 месяца ожидают выплаты денег за напечатанное произведение». Как сообщает акт, с большинством провинциальных авторов, «расчет произведен был **своевременно,** за исключением двух человек, которым гонорар отослан с месячной задержкой, и еще двух человек, адреса коих неизвестны не по вине редакции».

Неточно и сообщение о получении т. Корабельниковым 270 рублей сверх оклада **за читку рукописей** за полтора месяца. Тов. Корабельников получил **за читку и редактирование** несколько большую сумму в течение **шести-семи месяцев.**

Что касается дополнительной оплаты работы тов. Эйдельнанта, то установлено, что дополнит. ставка его была утверждена своевременно пред. правления издательства и редколлегией, что она (с дополнением) соответствует тарифному справочнику.

Денежная отчетность поставлена в «Октябре» плохо. Однако, это не дает права заключать о совершавшихся там преступлениях. Речь идет только о халатном отношении редакционного аппарата к финансово-хозяйственным делам. Следует отметить, что редакция сама поднимала вопрос о передаче финансовых расчетов с авторами общему издательскому аппарату, но издательство не реализовало этого предложения.

Помещая настоящее сообщение, редакция отмечает, что отдельные неточности статьи не меняют ее мысли, которая выражена в акте обследования даже более резко, чем т. Исаковым, а именно: «**отчетность поставлена из рук вон плохо».**

КНИГИ и ЛЮДИ

Несправедливая оценка

Г. ШИЛИН. Страшная Арват. Прибой. Л. 1929. Стр. 218. Ц. 1 р. 20 к.

Советский Восток в художественной литературе отражен весьма слабо. Поэтому книга Г. Шилина представляет большой интерес. Это — книга рассказов о Советском Азербайджане — первых рассказов на русском языке о новой жизни долго угнетавшегося царизмом тюркского народа.

Стремясь выполнить эту задачу, Г. Шилин не побоялся смотреть прямо в лицо существующей действительности со всеми ее противоречиями. Он показал ростки новой жизни — раскрепощение тюркской женщины, трудовой героизм бедняков, ломку старого быта, но в то же время показал и пережитки старого, до сих пор тормозящие дело общественной перестройки: религиозность, суеверие, анархичность, невежество, отсутствие общественной дисциплины и пр.

Вот полуграмотная тюрчанка, председатель дайраисполкома, строящая советскую власть в 1921 году, т.-е. сразу после гражданской войны, в борьбе с бандитизмом. Она успевает во многом, но погибает из-за собственной дикости — слишком она перегибает палку, мстя богачам, слишком многое у нее определяется самоуправством, личными мотивами. Несомненно — показом этой противоречивой фигуры Шилину удалось вскрыть интереснейшие особенности быта Азербайджана в первые году советской власти.

Такой же учет социальных противоречий находим мы и в других рассказах. От торговца убегает жена, которую он эксплоатировал наравне с ослом. Ее берет под свою защиту женотдел. Торговец идет в женотдел об'ясняться, но там скандалит, не понимает и не принимает никаких об'яснений. Разумеется, жена к нему не возвращается. В селе Узун, благодаря невероятным героическим усилиям председателя сельсовета, устанавливается электростанция, но это дело было чуть не сорвано из-за суеверия крестьян, возбуждаемых муллой, изобразившим машину «шайтаном».

Уже этого беглого обзора достаточно для оценки социальной весомости книги Г. Шилина.

Столичная и отчасти провинциальная пресса (напр., ростовский «Молот») единодушно отметили книгу «Страшная Арват», как новое, интересное явление в пролетарской литературе, как «стремление подать острую тематику соответствующими литературными средствами, как установку об'единить одной общей темой жизнь и быт Востока, его косность и его новые веяния рожденные революцией» и т. д. Но не так отнеслась к книге Г. Шилина газета «Бакинский Рабочий», напечатав в № 118 большую статью Бориса Платонова, где «Страшная Арват» ставится в один ряд с Калинниковыми, Малашкиными, Хаджи-Мурат Мугуевыми.

Не вдаваясь в оценку литературных достоинств книги Г. Шилина, в частности в то, романтически или реалистически трактует она быт советского Азербайджана, — правление Ленинградской ассоциации пролетарских писателей решительно протостует против оценки ее, как книги контрреволюционной.

Правление Лапп.

Посильный отклик

Н. ШКЛЯР. «Свет». Изд. «Федерация». М. 1929. Стр. 192. Ц. 1, 80 к.

Н. Шкляр пишет для детей, а на этот раз выпустил книгу для взрослых. Но в ней есть **верность** детям. Автор дал убедительные образы и диалоги именно в рассказе о детях, с неудачным названием «Ш. Н. И.». Бывшая «шпана» навещает известного писателя, у кого «золотые цветочки на сафьяновых переплетах». Игрушки всех стран и народов, собранные писателем, расставленные в мертвых группах по признаку национальности, ребята превращают в волнующее шествие к бронзовому Ленину. И ожила застывшая комната, и ожило, в этом отрывке, несколько затрудненное творчество Шкляра.

В повести «Братья» он противополагает эпилептика Митю, с «христовыми» мечтами, и Василия, ссыльного, **кажущегося** автору революционером серьезной закалки. Ведя Василия от ссылки к строительству совхозов через убийство неизлечимого Мити, автор думает, что он показывает конкретного, подлинного, так сказать «показательного» строителя социализма. Но Василий-революционер - индивидуалист, мечтатель, пришел так к революции: «Революционером меня сделала болезнь Мити (??) и первой моей задачей будет поставить его на-ноги» (!!). Такова первая актуальная задача этого строителя социализма!

Нет у Шкляра полного овладения композиционными приемами, еще мало у него уменья развить фабульные ситуации. То, что могло бы стать кульминационным пунктом, сходит нанет, проскальзывает в беглых, почти что хроникальных строчках. Так, в «Свете» с убийством мельника и с переходом электростанции мельницы из его рук в руки общества; так, и с убийством Мити в «Братьях».

Есть у Шкляра в этой книжке рассказ «Телеграмма», похожий на очерк. Некую княжну депешей запрашивали о здоровья, и была эта депеша найдена в бывшей княжеской библиотеке, в томике Вольтера. На обороте телеграммы княжна набросала досужие свои размышления о «терпеньи» народном. Нам странно, что партиец Глебыч как-то поражен этой телеграммой и даже почему-то хочет «ее огласить», но не удивительна его мысль: « — Двадцать пять лет назад надо было **ответить** на эту телеграмму», т.-е. ответить революцией, разрушив «здоровье» этих княжеских детей. И, действительно, революция «ответила» на телеграмму. А такие писатели, как Шкляр, по мере сил, откликаются на «ответ», прозвучавший по всему миру. Вся книга «Свет» — это несколько неловкий, несколько затрудненный ответ на советскую действительность.

Н. Каратыгина.

Из жизни вологодских охотников

МИЛИЙ ЕЗЕРСКИЙ. Чудь-белоглазая. Роман. Изд. «Федерация». М. 1929. Стр. 317. Ц. 2 р. 80 к' Тир. 4.000,

Мы все еще очень мало знакомы с жизнью наших отдаленных губерний и областей. А интерес к ним растет с каждым днем. Задача художника, берущегося за изображение этой жизни, очень благодарна, но и очень трудна.

Милий Езерский, пробующий свои силы в этой области, справился с задачей только наполовину. Он, повидимому, хорошо знаком с условиями жизни, бытом и нравами вологодских охотников, зырян и русских. В романе «Чудь белоглазая» он дал несколько ценных бытовых зарисовок, как сватовство, носящее характер неприкрытого торга (ст. 43—44), свадьба (стр. 239—247), проводы на лесованье (стр. 108—117), братчины (стр. 155—162) и др.

Но он еще плохо владеет искусством построения романа, и язык его недостаточно выразителен и богат. Поэтому роман вышел громоздким, тягучим и бледным.

В построении сюжета встречается много наивностей, в роде неожиданного появления нужных автору лиц (стр. 166 — Петр, стр. 228 — Ванек, стр. 282 — Анфиса), неправдоподобных происшествий (батальная сцена на стр. 278, побег Егория на стр. 267—8), мелодраматических сцен в роде последнего об'яснения Степаниды с Ваньком (стр. 290) или Егория с Володимерком (стр. 315—16).

Центральное место в романе отведено семье купца, зырянина Ивана Сороки. Два сына его, Филипп и Володимерко, в общем повторяют отца. Из третьего, Егория, автору захотелось сделать революционера. Это превращение вышло довольно натянутым. Тут плохо обставлено исходное влияние политических ссыльных, уход к ним Егория, его арест, побег и превращение после Октябрьской революции в большевика. Очевидно, автор мало знаком с политическими ссыльными и революционной подпольной работой. Прочтите только 21 главу, и удостоверитесь в этом.

Еще один крупный недостаток романа: все герои говорят одним и тем же языком, не соответствующим развитию и социальному положению данного персонажа.

Ф. Каминский.

ПИСЬМА В РЕДАКЦИЮ

I.

В статье В. Ермилова «Гармонический обыватель» («На лит. посту», № 11—12), направленной против А. Лежнева, имеется фраза:

«О, Лежнев дорожит своей репутацией: он не станет писать о романе до тех пор, пока о нем нет чужих критических статей, пока все не «утряслось», не «отстоялось». Он выждет...»

Не входя в существо полемики между тт. Ермиловым и Лежневым, я должен со всей категоричностью заявить, что фраза эта ни в какой степени не может быть применена к т. Лежневу, и наличие ее в статье В. Ермилова лишает целый ряд его положений той убедительности, на которую автор мог бы рассчитывать.

Т. Лежнев первый об'яснил читателю труднейшую лирику Пастернака, остававшегося около 10 лет непонятым даже культурной читательской средой. В настоящее время о Пастернаке существует уже целая литература, которая, однако, не прибавила ничего принципиально нового к тому, что Лежнев наметил в своей статье.

То же в отношении меня: первая статья об «Улялаевщине» принадлежала перу Лежнева и была опубликована до выхода моей книги из печати. И так же, как и в примере с Пастернаком, последующая литература об «Улялаевщине» (за исключением статьи Зелинского) не прибавила ничего существенно нового к тому, что было отмечено Лежневым.

Об этом в интересах справедливости считаю необходимым довести до сведения читателя.

И. Сельвинский.

Тирасполь.

II.

В «Известиях» ЦИК от 1 августа был напечатан перевод из польского поэта Вл. Броневского «Последняя война», подписанный моей фамилией. Этого стихотворения я никогда не переводил, перевод принадлежит не мне, а Р. Роману, и взят из книги «Революционные поэты Польши», издающейся в изд-ве «Московский Рабочий», под моей редакцией.

Семен Кирсанов.

Ответственный редактор: С. И. КАНАТЧИКОВ.

Издатель: АКЦИОНЕРНОЕ ИЗДАТЕЛЬСКОЕ ОБЩЕСТВО «ОГОНЕК».

Госцирк „ШАПИТО“ Парк Культуры и Отдыха
Крымский вал, 9, тел. 1-85-45, 4-44-31. Тр. Б, 7, 10, 11, 23, 24, 26, авт. № 9.

ПОСЛЕДНЯЯ НЕДЕЛЯ, ЗАКРЫТИЕ ЛЕТНЕГО СЕЗОНА. С 3-го СЕНТЯБРЯ И ЕЖЕДНЕВНО.

ГАСТРОЛИ ЗНАМЕНИТОГО ЭКСПЕРИМЕНТАТОРА
ИАМА
Разоблачителя „ЧУДЕС“ индийских факиров, эксперименты из области анатомии, физики, химии и самообладания.

КАК ДЕЛАЮТСЯ „ЧУДЕСА“
Каждый опыт знаменитого экспериментатора ИАМА основан на серьезно-научном исследовании всех физических свойств человеческого организма и на редкостном самообладании.
ПРИГЛАШАЮТСЯ ВРАЧИ-ЭКСПЕРТЫ КОНТРОЛИРОВАТЬ ОПЫТЫ ИАМА.
Сеансы ИАМА строго научно-обоснованы.

ДЬЯВОЛЬСКИЙ ВЕЛОДРОМ
известные французские спортсмены
4 ФРАНСУА 4
Веломотоциклетные гонки на вращающемся треке, 250 оборотов трека в минуту, 160 километров в час.
ФРАНЦУЗСКИЕ АРТИСТЫ
2 БРАМСОН 2
ЖОНГЛЕРЫ С ЭЛЕКТРИЧЕСКИМИ ОБРУЧАМИ.

ТРУЦЦИ
Новая дрессировка. Грандиозное „ТАБЛО“.
30 ДРЕССИРОВАННЫХ ЛОШАДЕЙ 30
5 ПОЛЬДИ 5
лучшие велосипедисты СССР
и много других русских и иностранных артистов.
Начало в будни в 8 час. 30 мин. По воскресеньям в 9 час. вечера

8-го сентября 2 последние грандиозные утренника. Начало 1-го 1 ч. 30 м., 2-го 5 час. дня. Участвует вся труппа.

Каждый, купивший на дневное представление билет, имеет право провести одного ребенка до 8 лет БЕСПЛАТНО. Лица, купившие билеты в ЦИРК-ШАПИТО, за вход в парк не платят. Заявки на целевые спектакли в ГОСЦИРК-ШАПИТО — телефон 1-85-45, 4-44-31.

Издательство „ФЕДЕРАЦИЯ“
МОСКВА, площ. Свердлова, Копьевский пер., 3.

ВЫШЛИ И ПОСТУПИЛИ В ПРОДАЖУ:
Н. ШКЛЯР — „Свет“. Повести и рассказы. Стр. 192, цена 1 р. 50 к. перепл. 30 к.
К. ЗЕЛИНСКИЙ. — „Поэзия как смысл“. Статьи. Стр. 316, цена 3 р. 45 к. перепл. 30 к.
М. ЕЗЕРСКИЙ. — „Чудь - белоглазая“. Роман. Стр. 317. цена 2 р. 50 к. перепл. 30 к.
А. АДАЛИС.—„Песчаный поход“. Очерк. Стр. 134, цена 1 руб. 10 к.
А. НОВИКОВ. — „Причины происхождения туманностей“. Повесть. Стр. 230, цена 1 р. 50 к. перепл. 30 к.
ИВ. КАТАЕВ.—„Сердце“ повесть, массовая „библиотека“. Стр. 95, цена 25 к.
УНАМУНО. — „Три повести о любви“. Перевод с французского М. В. Коваленской. Стр. 171, цена 1 р.

К пятнадцатой годовщине империалистической бойни
ПЕЧАТАЮТСЯ:
Д. ОСЬКИН.—„Записки солдата“ (массовое издание).
М. ЗАЛКА — „Военная почта“ рассказы.
Д. ОСЬКИН.—„Записки прапорщика“.
К. ЛЕВИН.—„Записки из плена“

ЗАКАЗЫ НАПРАВЛЯТЬ ТОРГОВОМУ СЕКТОРУ ГОСИЗДАТА
МОСКВА, Богоявленский пер. 4
и во все магазины и отделения ГОСИЗДАТА

ГОСИЗДАТ
ВЫШЕЛ, ПОСТУПАЕТ В ПРОДАЖУ И БУДЕТ РАЗОСЛАН ПОДПИСЧИКАМ
№ 15—16
„Книга и Революция“
Ответств. редактор П. М. КЕРЖЕНЦЕВ.
№ 15—16
В НОМЕРЕ: Политика, литература и критика. С. Петропавловский.— Новая веха на великом историческом пути. К. Винтер. — Чего нельзя простить академику В. Блюм — О чеховской драматургии. А. Запровская.— Литературное сегодня Германии. А. Манфред.— О. Мандельштам. А. Зонин — Новые люди деревни. М Адлин — О нашей радиолитературе. А. Михайлов — Оппортунизм под вывеской „искусство в массы . Читатель и книга. Обзор журналов. Библиография. Цена 75 коп.
ПОДПИСНАЯ ЦЕНА: на год — 8 руб. на полгода — 4 руб. 50 коп., на 3 месяца — 2 руб. 30 коп.
ПОДПИСКУ НАПРАВЛЯТЬ: Москва, Центр, Ильинка, 3, Периодсектор Госиздата, а также во все магазины и отделения Госиздата.

ВЫШЕЛ ИЗ ПЕЧАТИ
ОГОНЕК
НОМЕР 34
Очередные книжки „Библиотеки Огонек .
Лиам о Флахерти. — Весенний сев.
Исбах. — Песня.
ТРЕБУЙТЕ ВСЮДУ.

ВЫШЕЛ ИЗ ПЕЧАТИ
ЧУДАК
НОМЕР 33
Мих. КОЛЬЦОВ—О церемониях. Винт. ВИННИКОВ—Контрольное лето. ТУР—Чудасия. Еф ЗОЗУЛЯ—Маленькие рассказы. НАТАЕВ—Жертва спорта. ТВАРДОВСКИЙ—Варенье Д. КУКИН—Активист.
Рисунки художников: К. РОТОВ, ДЕНИ, Бор. ЕФИМОВ, И. МАЛЮТИН, КУКРЫНИКСЫ и др.
КАЛЕНДАРЬ ЧУДАКА. ПОДРОБНЫЙ ОТЧЕТ ЗАСЕДАНИЯ. СОРЕВНОВАНИЕ ГОРОДОВ. РЫЧИ-ЧИТАЙ. СЕМЕЙНЫЙ АЛЬБОМ.
ЦЕНА 15 КОП.
ТРЕБУЙТЕ ВСЮДУ

Издательство „ФЕДЕРАЦИЯ“
МОСКВА. пл. Свердлова, Копьевский пер., 3.
ПОСТУПИЛИ В ПРОДАЖУ НОВЫЕ КНИГИ:
ОГНЕВ, Н. Собрание соч. т. III.
ДНЕВНИК КОСТИ РЯБЦОВА, кн. I. Дневник дополнен новой главой „Разбойничий форпост“. 294 стр. Ц. в пер. 2 р.
НИКИТИН, М. Путь на Север. Очерки Туруханского края. 158 стр. Ц. 1 р. 20 к.
РЕМАРК Э. На Западе без перемен. Авториз. перев. с нем. С. Мятежного и П. Черевина под ред. А. Эфроса. 2[illegible]8 стр. Ц. в пер. 1 р. 40 к.
ТАРАСОВ, А. Будни. Повесть. 144 стр. Ц. 85 к.
ШАБАЛИН, Б. Расплата. Повесть. 12[illegible] стр. Ц. 80 к.
НУБИКОВ, И. Литературные очерки. 232 стр. Ц. 2 р. 50 к.
Заказы направлять: ТОРГОВОМУ СЕКТОРУ Госиздата
Москва, Богоявленский пер. 4, и во все магазины и отделения Госиздата.

КРАСНАЯ НОВЬ № 8
ВЫШЕЛ, ПОСТУПАЕТ В ПРОДАЖУ И БУДЕТ РАЗОСЛАН ПОДПИСЧИКАМ
В НОМЕРЕ:
Л. Борисов — СВОИ и ЧУЖИЕ. Рассказ.
М. Громов — ЛОШЕВОД. Роман.
Л. Остроумов — ТРИ — НОЛЬ — ПЯТЬ. Повесть.
Дэли — РДЯНЫЕ ПАЗОРИ. Из туруханских былей. Повесть.
Ник. Ушаков — СКАЗАНЬЕ СТАРЫХ ВРЕМЕН. Стихи.
С. Марков — ТРУБКА. ТАТУИРОВКА. САМ НЕ ЗНАЮ С КАКОГО ГЛАЗА. Стихи.
Н. Корнев — Десять лет Версаля и «Ликвидация войны».
Обсервер — Международное обозрение.
Старый журналист — Литературный путь дореволюционного журналиста.
Г. Гастов — Поездка в Аравию.
Эм. Миндлин — В. Норвегии.
ЛИТЕРАТУРНЫЕ КРАЯ. С. Динамов — «Тихий Дон» М. Шолохова. Ив. Анисимов — Крут Клебер.
Критика и библиография.
Цена отдельного номера — 1 р. 75 к.
ПОДПИСНАЯ ЦЕНА: на год — 16 р., на полгода — 9 р., на 3 месяца — 4 р. 50 к.
Подписка и продажа во всех магазинах и отделениях Госиздата.

ВНИМАНИЮ подписчиков на сочинения А. П. ЧЕХОВА
Продолжается прием последнего (пятого) взноса по абонементной подписке в рассрочку
по 3 АБОНЕМЕНТУ
(Огонек с соч. Чехова и Биб. Огонек)—4 р. 50 к.
по 4 АБОНЕМЕНТУ
(Огонек с соч. Чехова и Чудак) — 3 р.—к.
по 5 АБОНЕМЕНТУ
(Огонек с соч. Чехова и Жен. Журн.)—4 р.—к.
При посылке в Изд-во последнего взноса следует на переводе обязательно наклеить адресный ярлык, по которому получается журнал.
Издательством приняты меры к ускорению выпуска книг А. П. Чехова, задержавшихся по техническим причинам. 11-я книга соч. Чехова разослана с № 34-м „Огонька“.
Акц. Изд. О-во „ОГОНЕК“ Москва, 6. Страстной бульвар, 11

САМЫЙ РАСПРОСТРАНЕННЫЙ ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛ
ОГОНЕК
ПРИЛОЖЕНИЕ К ЖУРНАЛУ
БИБЛИОТЕКА ОГОНЕК
(По две книжки в неделю)
Подписка на библиотеку без журнала „Огонек“ не принимается
УСЛОВИЯ ПОДПИСКИ: „Огонек“ без прилож. 1 м.—40 к., до конца года (3 м.)—1 р. 20 к. „Огонек“ с Библиотекой 1 м.—1 р. 40 к. до конца года (3 м.)—3 р. 75 к.
ПОДПИСКУ АДРЕСОВАТЬ: Москва, 6, Страстной бульвар, 11. Акц. Изд. Обществу «ОГОНЕК».

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛ САТИРЫ и ЮМОРА под редакцией Мих. КОЛЬЦОВА
ЧУДАК
„ЧУДАК“ печатается в несколько красок на хорошей бумаге усовершенствованным способом.
БЕСПЛАТНОЕ ПРИЛОЖЕНИЕ К ЖУРНАЛУ
БИБЛИОТЕКА ЧУДАКА
„ВСЕМИРНЫЙ ЮМОР“
ПО ОДНОЙ КНИЖКЕ В МЕСЯЦ.
ПОДПИСНАЯ ПЛАТА 1 м.—68 к. До конца года (3 мес.)—1 р. 70 к.
ПОДПИСКУ АДРЕСОВАТЬ: Москва, 6, Страстной бульвар, 11. Акц. Изд. Обществу «ОГОНЕК».

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕНН., КУЛЬТУРНО БЫТОВОЙ, ДОМАШНЕ-ХОЗЯЙСТВЕННЫЙ и МОДНЫЙ
ЖЕНСКИЙ ЖУРНАЛ
ОСНОВНЫЕ ОТДЕЛЫ: Культура и быт, семья и ребенок, дом и хозяйство, питание и стол, здоровье семьи, последние модели и др.
Женский журнал дает ежемесячно четыре бесплатных приложения: Вырезная выкройка, Контурный лист, Детский уголок, Последние моды
ПОДПИСНАЯ ЦЕНА: до конца года (три месяца)—3 р.
ПОДПИСКУ АДРЕСОВАТЬ: Москва, 6, Страстной бульвар, 11. Акц. Изд. Обществу «ОГОНЕК».

МАССОВЫЙ ПОПУЛЯРНО-ТЕХНИЧЕСКИЙ ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ
ИЗОБРЕТАТЕЛЬ
Журнал освещает вопросы реализации изобретений и дает на своих страницах все, что надо знать изобретателю, организуя и направляя его творческ. мысль.
ПРИЛОЖЕНИЯ К ЖУРНАЛУ
БИБЛИОТЕКА ИЗОБРЕТАТЕЛЯ
ПО ДВЕ КНИГИ В МЕСЯЦ.
ПОДПИСНАЯ ПЛАТА:
1. „Изобретатель“ без прилож.: 3 мес.— 1 р. 1 мес — 35 к.,
2. „Изобретатель“ с приложен. 3 мес.— 1 р. 75 к. 1 мес.—65 к.
ПОДПИСКУ АДРЕСОВАТЬ: Москва, 6, Страстной бульвар, 11. Акц. Изд. Обществу «ОГОНЕК».

ЕСЛИ ВЫ ИНТЕРЕСУЕТЕСЬ ФОТОГРАФИЕЙ,—ВЫ ДОЛЖНЫ СТАТЬ ПОДПИСЧИКОМ ДВУХНЕДЕЛЬНОГО ЖУРНАЛА
СОВЕТСКОЕ ФОТО
ПРИЛОЖЕНИЕ К ЖУРНАЛУ
ФОТО-БИБЛИОТЕКА
УСЛОВИЯ ПОДПИСКИ:
1. Журнал без приложения: 3 мес.— 1 р. 50 к., 1 мес.—60к.
2. Журнал с ежемесячным приложением: „ФОТОГРАФИЧЕСКОЙ БИБЛИОТЕКИ“ 3 мес.—2 р. 50 к.
ПОДПИСКУ АДРЕСОВАТЬ: Москва, 6, Страстной бульвар, 11. Акц. Изд. Обществу «ОГОНЕК».

ДВУХНЕДЕЛЬНЫЙ ЖУРНАЛ АВТОДОРА
ЗА РУЛЕМ
ПРОГРАММА ЖУРНАЛА
АГИТАЦИЯ за советский автомобиль и всегда проезжую дорогу.
ПОПУЛЯРИЗАЦИЯ автодорожных технических знаний.
ОРГАНИЗАЦИЯ и руководство автодоровским движением.
ПРИЛОЖЕНИЕ:
ОПРАВОЧНАЯ КНИГА АВТОДОРОВЦА.
ПОДПИСНАЯ ПЛАТА:
1 мес.—50 к., до конца года 3 мес.— 1 р. 50 к.
Доплата за приложение 2 рубля.
ПОДПИСКУ АДРЕСОВАТЬ: Москва, 6, Страстной бульвар, 11. Акц. Изд. Обществу «ОГОНЕК».

ДВУХНЕДЕЛЬНЫЙ ЖУРНАЛ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ ПЕЧАТИ
ЖУРНАЛИСТ
ПРОГРАММА ЖУРНАЛА:
ПАРТИЯ и ПЕЧАТЬ — РАБСЕЛЬКОР
ТЕОРИЯ и ТЕХНИКА ГАЗЕТЫ — СТЕННЫЕ и ПЕЧАТНЫЕ ГАЗЕТЫ
ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ ЖИЗНЬ — РАСПРОСТРАНЕНИЕ КНИЖНОЕ ДЕЛО
РЕКЛАМА — ПЕЧАТЬ за ГРАНИЦЕЙ
ПОДПИСНАЯ ПЛАТА: 3 мес. - 2 руб. 1 мес. — 70 коп.
ПОДПИСКУ АДРЕСОВАТЬ: Москва, 6, Страстной бульвар, 11. Акц. Изд. Обществу «ОГОНЕК».

ЛИТЕРАТУРНАЯ ИЛЛЮСТРИРОВАННАЯ ЕЖЕНЕДЕЛЬНАЯ ГАЗЕТА
ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА
ВЫХОДИТ ПО ПОНЕДЕЛЬНИКАМ
ИНФОРМАЦИЯ — ХРОНИКА
НОВИНКИ ЛИТЕРАТУРЫ — ОЧЕРКИ, РАССКАЗЫ
ИЛЛЮСТРАЦИИ РИСУНКИ — ТЕАТР, КИНО
МУЗЫКА — ИЗО-ИСКУССТВА
КРИТИКА — БИБЛИОГРАФИЯ
ПОДПИСНАЯ ПЛАТА: 3 мес. — 60 к.
ПОДПИСКУ АДРЕСОВАТЬ: Москва, 6, Страстной бульвар, 11. Акц. Изд. Обществу «ОГОНЕК».

Главлит № А 45995. 7-я типография «Искра Революции» Мосполиграфа, Москва, Арбат, Филипп., 13.